

Толкнут деревянную тяжёлую дверь, стекло только от середины вверх. Висит табличка «Закрыто». На стекле надпись «Vièrè Bruxelles mastodonte». Но разве меня может интересовать какая-то табличка на двери моего кафе? Посетители называют просто «Бегемот».

Растягиваю рот в улыбке. Она должна быть искренняя. Хотя так хочется послать всё к чёрту и завалиться спать. Только в восемь утра я приехал из Франции со встречи. Потом думал, шифровал информацию, перегонял в Центр. Ждал подтверждения получения.

За барной стойкой Эллис.
— Добрый день, мсье Аргур! — приветствует она меня.
— Добрый день, мадам Эллис! — радостно отвечаю ей.

Иду в свой кабинет. Звучит, конечно, громко, небольшая каморка за спиной бармена, зеркальная стена — стекло с односторонней проводимостью. Мне видно, меня нет.

— Вам, как всегда? Кофе? — интересуется она.
— Да. Как всегда, самый крепкий, — киваю я. — Отчёт когда будет готов за вчерашний день?
— Думаю, через полчаса, и заявка на поставку, что нужно.
— Понял, спасибо. Жду.

Обычный день в Брюсселе. Всё размеренно у местных жителей. И у меня должно тоже так выглядеть со стороны. Всё размеренно. Чинно-благородно. Откинулся в кресле, растёр лицо. Как же хочется спать! Чёрт побери! Как же достал этот бар! Раньше у меня было прикрытие, связанное с разведками, оно было проще. И наружное наблюдение выявлять тоже сподручнее. А тут — обкладывая стационарными постами, передавая по цепочке, для контроля можешь запустить пару филёров, сиди, фиксируй все мои контакты.

Последние пять лет я был в «заморозке». Минимум активности. Отдельные поручения в Европе.

У меня на связи было два завербованных агента — «Мишель» и «Грегуар». В результате долгой работы они занимали высокие посты в правительствах некоторых европейских стран. Поставляемая ими информация была настолько ценна, что Центр принял решение заморозить мою активность.

Ни в коем случае не попадать в поле зрения органов контрразведки.

Время шло. Политическая ситуация менялась, и мои визави были отправлены в отставку новыми правительствами и парламентами.

Когда работаешь с агентами, нужно, чтобы у вас сложились дружеские, приятельские отношения. Ни в коем случае источник не должен думать, что ты относишься к нему потребительски. Только как товарищу, другу, соратнику.

В некоторых книгах, кино показывают, что разведчик получил компрометирующие материалы в отношении кандидата на вербовку, пришёл, вывалил ему на стол фото, где он с любовницей, и он тут же начинает работать на российскую разведку. Приносит тебе сейф с совершенно секретными документами, где расписаны планы ядерного нападения на Россию. Но это в дешёвых книгах и кино.

Сейчас, когда в моде или, как говорят, «в тренде», бездетные или разведённые европейские президенты, трудно кого-то удивить порнографическими снимками. Как и сексуальной связью с лицом одного с фигурантом пола. Да и не будет завербованный агент на компрометирующей основе работать долго. Ему проще пойти на сотрудничество с контрразведкой. И вот здесь имеется масса вариантов. Либо тебя сразу примут, либо через тебя будут в Москву продвигать «дезу» в красивой, правдивой обёртке. И будут тебя «пасти» днём и ночью, выявляя все твои связи, каналы передачи информации, создавая условия благоприятствования.

За что человек готов умереть? Сам. За убеждения. То есть за религиозные символы, за Родину, за образ жизни, за всеобщую справедливость, за деньги. За тот иллюзорный мир, который сформировался у него под воздействием социальной среды, опыта, образования, социальных связей — как вертикальных, так и горизонтальных. Это и есть убеждения. Пойми его, дай понять, что искренне разделяешь его воззрения, и он тебе доверится. И будет совместно с тобой добывать «руду» — информацию.

От хронического недосыпа всякое в голову лезет. Азы вербовочной работы всплывают сами собой в голове. Снова растёр лицо руками, уши

посильнее. Легче. Аккуратно извлек из стола початую пачку сигарет. Обычная пачка «Marlboro». С виду обычная. Даже можно вытащить сигарету и выкурить из первого ряда. Второй ряд трогать не стоит. Пачка тут же нагреется и начинка выгорит.

Счётчик посещений кабинета в моё отсутствие. Каждый раз, выходя из кабинета, я обнуляю счётчик. И каждый раз проверяю.

Если дома использую старый, как мир разведки, способ — шарики пыли и крошки, нитки, волосинки, ворсинки, то здесь приходит уборщица и наводит порядок. Всегда наблюдаю за её работой, прикрываясь срочными делами.

Как занести в охраняемое помещение записывающую аппаратуру, хоть видео, хоть аудио, взрывное устройство, насыпать медленный яд в бутылку с водой или алкоголем, засунуть в кресло радиоактивный элемент или обмазать солями тяжёлых металлов телефонную трубку? Уборщица! Просто, элегантно и незаметно. И эффективно. Мне ли не знать.

Точно так же проводится тайный осмотр помещения. Сегодня осматриваешь один угол, завтра — другой. Изучаешь систему замков, сигнализации, осматриваешь быстро, незаметно стены, пол, потолок, мебель на предмет поиска скрытых тайников. Сейчас на любой карте памяти можно спрятать целую библиотеку провинциального городка. И размером она не больше ногтя. Засунь под плинтус или дверную обналочку. Вроде и на виду, а спрятана. Но так поступают только неразумные граждане, начитавшиеся детективов. Не будет разведчик при себе хранить добытую информацию. На ней можно стореть в два счёта. Прихватило сердце, отвезли по скорой помощи, раздели, нашли, передали в полицию, вот тебе и неразрешимая проблема.

Конан Дойл рассказал, как быстро найти спрятанное. Инсценируй пожар, будут спасать самое ценное. И если будешь хранить на рабочем месте добытые кровью и потом сведения, то дымовая шашка может заставить выдать себя и принести искомое контрразведке страны пребывания на блюдечке с голубой каёмочкой.

В косяк проёма постучали, и тут же открылась дверь. Эллис принесла чашечку кофе, рядом лежал кусочек горького бельгийского шоколада фирмы «Neuhaus», и отдельно — бокал с коньяком. Перехватив мой взгляд, она пояснила:

— У мсье была трудная ночь, чтобы привести себя в чувство — это лучшее средство, — максимально деликатно сказала она, не глядя в глаза.

— Спасибо.

Она пошла к выходу. Я остановил её:

— Скажите, Эллис, как вы определили, что я плохо спал?

— У мсье мешки под глазами.

— Они у меня всегда. Не молод уже. Увы.

— Цвет и размер отличается, — кратко ответила. — Спасибо, — я рассмеялся. — От вас ничего не скроешь.

Откинулся в кресле, взял коньяк, покрутил жидкость в бокале:

— А вот за это — особое «спасибо»!

Поднял, понюхал. Мой любимый. Дорогой. Посетители его редко заказывают.

Девушка вышла. Понюхал ещё раз, залпом выпил. Откусил кусочек шоколада, сделал глоток кофе. Уф-ф-ф! Хорошо! Кровь побежала по жилам, мозг начал работать, в глазах стали гаснуть красные круги усталости. Можно и поработать на благо своего предприятия!

У бельгийцев вообще не принято обсуждать личную жизнь. Только между близкими родственниками. Насчёт того, что здесь есть у кого-то близкие друзья, я затрудняюсь сказать. Можно обсуждать многое: политику, погоду, чемпионат Бельгии по футболу, но личная жизнь — табу. Национальная черта — сдержанность. Улыбка — маска.

Поэтому и Эллис так тактично поступила. Допил кофе. Но надо поработать над собой. Если уж гражданская заметила мой утомлённый вид, может и кто-то другой.

Открыл компьютер. Смотрю почту, параллельно запустил программу контроля видеокamer в баре. За ночь компьютер проанализировал всех посетителей. Отдельно программа выделила вещи, надолго оставленные без присмотра. Это на тот случай, что могут быть кражи или признаки террористического акта.

Сканировала новые лица и свела их в отдельный блок. Запустилась программа в режиме слайд-шоу. Вид сверху, анфас, профиль. Несколько офицеров в форме. Один из Эстонии, два немца.

Брюссель — вторая столица в мире по концентрации разведчиков на квадратный километр. Первая — Нью-Йорк. Там — оон, различные фонды при оон, рядом с оон.

Мировая биржа на Уолл-Стрит. А при ней много агентств, сообществ, обществ, клубов, опять же фондов, консультативных центров. И все они нашпигованы разведчиками всех стран. Узнать информацию с биржи — дать возможность опередить твоей стране остальной мир или не провалиться в финансовую дыру.

Из оон тоже много интересной информации можно получить, и не только. Можно повлиять на процесс. Или попытаться повлиять.

Здесь, в Брюсселе, не так масштабно, как в Нью-Йорке, но органы управления ес, нато. И город поменьше, всё компактнее, уютнее. На улице можно встретить того, с кем сталкивался в коридорах Центра. Места мало всем добытчикам информации.

Поэтому разведчики роem носятся по городу. Идёт жесточайшая война за источники информации. Некоторые агенты работают на несколько

разведок, враждующих между собой стран. Идёт невидимая война. По добыче информации, дезинформации друг друга, дезориентации, отвлечения сил и средств противника на негодный объект.

Когда открывал, по заданию Центра, это кафе, предлагал, что можно использовать вай-фай в наших интересах. При получении доступа в интернет, необходимо авторизироваться. Небольшая доработка, и можно спокойно скачать, втайне от владельца, все его контакты телефона. Но Москва запретила.

Вся Западная Европа находится под контролем американской системы «Эшелон». Звонки, электронные письма, сообщения, всё, абсолютно всё, находится под тотальным контролем этой системы. И подозрительная активность в кафе неподалёку от штаб-квартиры НАТО, может вызвать интерес.

Немцы, французы, контрразведка НАТО проверяет любопытных и подозрительных. А после террористических актов исламистов, все стали маниакально подозрительными, осложнили работу честным разведчикам.

Зато все новые лица, которые заходят ко мне на кружку пива или кофе, я отправляю в Москву. Те опознают и сообщают, кто из них представляет оперативный интерес.

Также неоднократно предлагал установить на барной стойке или в каждом столике аппаратуру по считыванию информации с телефона. Нередко люди выкладывают свои смартфоны на стол. Вот и скачивай всё, что там есть. Тихо, незаметно, эффективно. Запретили. А ты крутись, как хочешь, чтобы выполнить задание, а они по рукам бьют.

В 2010 году в США сбежал полковник Потеев, служил в СВР, возглавлял отдел нелегальной разведки в США и на всём американском континенте. Официально было заявлено, что он выдал 80 нелегалов. Но это верхушка айсберга. На самом деле их было гораздо больше.

СВР пришлось проводить перестановку разведчиков. Перекидывать из одной страны в другую. Менять документы. Многие были вынуждены прервать работу и вернуться в Россию. Большинство операций было свёрнуто.

Официально за кордоном работают только СВР и ГРУ. ФСБ лишь обеспечивает контрразведывательное прикрытие на территории дипломатических представительств. Но это официально. А неофициально... «Разрешается проводить разведывательные операции в интересах контрразведки». Фраза из закона мутная, расплывчатая, непонятная. Как туман утром над залившимся лугом. И чего там в этом тумане видно? Только какие-то непонятные тени.

Вот и я работал нелегалом во Франции, когда случилось предательство Потеева. И точный ущерб был неизвестен. СВР, часть разведчиков ГРУ, были вынуждены спешно покинуть славную страну

Бельгию. Тем самым оставили без прикрытия головной офис НАТО в Брюсселе.

Также было неизвестно, засвечена агентура или нет. Её перевели в категорию «консервов» на неопределённый срок.

Агентура — самое ценное, что есть у любой спецслужбы в мире. Она и есть основной поставщик информации. Казалось бы, в эпоху всеобщей открытости средства массовой информации, интернет располагают всеми тайнами. Только вот они преподносят уже устаревшие сведения. И не эксклюзивные. А здесь нужна информация свежая, раскрывающая планы противника на будущее.

Есть хрестоматийный пример, когда нашему разведчику, под дипломатическим прикрытием, удалось завербовать охранника, который сопровождал вывоз бумажного мусора из здания НАТО по адресу Бульвар Леопольда III 110 Брюссель.

Как положено по инструкции, все документы, черновики пропускали через уничтожитель бумаг — шредер, который добросовестно распускал их в лапшу. Тонкие бумажные полоски. Кому нужны такие документы? Только для набивки сувениров.

Но специалисты в Москве восстанавливали документы целиком. Просто, элегантно, красиво. Потом случился провал... И в НАТО стали уже не просто распускать документы на лоскуты, а измельчать в мельчайшую пыль, муку. Вот теперь уже точно никто и ничего не прочитает. Но я отвлекся.

Во Франции моя работа для прикрытия носила разъездной характер. После получения нового задания, я осел на одном месте. Но никому в голову не пришло, что я должен свернуть, передать кому-то на связь имеющуюся агентуру во Франции. Говорят, что лётчик на двух самолётах сразу не летает. Так то лётчики, а разведчик-нелегал летает. И ещё как летает! С фигурами высшего пилотажа!

Открыть кафе? Проще простого. Берёшь чemoдан денег, приезжаешь в другую страну, арендуешь помещение, покупаешь оборудование, делаешь ремонт, нанимаешь персонал, завозишь товар и торгуешь. Сам стоишь за барной стойкой, периодически пропускаешь по паре стопочек или кружек пива. Это в кино.

Откуда у француза деньги на открытие кафе в центральной части столицы соседней страны? Честно признаться, что привёз связной из Москвы? Так не пойдёт. В банк за кредитом. Самому делать ремонт нельзя! Нанимай работников с лицензией!

Надо сказать, что в Бельгии все специалисты очень узкого профиля. Например, когда заказал подключение к интернету, то через неделю пришёл специалист, который проложил кабель. Через две недели меня подключили к интернету, а позже пришёл другой сотрудник, который настроил оборудование в кафе. Подключение у меня заняло почти полтора месяца.

В Бельгии очень высокие зарплаты и не менее высокие налоги. Многие восхищаются, что в кафе семейные традиции. Подростки носятся по залу, убирают посуду, протирают столы, пыль на столах. Так дешевле, чем нанимать персонал. Большие социальные гарантии у населения в Бельгии. Особенно замечательная здесь медицинская помощь. Платишь страховку. После каждого посещения врача сдаёшь оплаченные счета, и тебе все деньги возвращаются. То же самое и с лекарствами. Полное возмещение.

Хорошо с точки зрения работника. А вот с точки зрения работодателя — не очень.

Вот и открыл кафе неподалёку от штаб-квартиры НАТО. Теперь встал вопрос, как привлечь посетителей к себе в кафе? Именно офицеров из штаб-квартиры. Стоять на входе и раздавать листовки? Конечно, можно, но заинтересуешь полицию и контрразведку. Простые туристы мне не нужны.

Предложил своему начальнику вариант с плакатами, фотографиями. Каждые две недели экспонировать на стенах кафе тематические плакаты и фотографии.

Все они брались напрокат в исторических обществах, у частных коллекционеров, потомков движения Сопротивления. Бельгия сопротивлялась гитлеровскому вторжению девятнадцать дней. Потом появилось множество групп, группочек сопротивления. Я сделал упор на «Белую бригаду» — сторонников короля Леопольда III. Того самого, на бульваре чьего имени была дислоцирована штаб-квартира НАТО.

Особо примечательным она не прославилась, в отличие от бригад коммунистов, партизанских отрядов из бежавших из концлагерей советских военнопленных или партизан, которых поддерживали Англия и США, а но сам факт патриотизма в кафе нужно было подчеркнуть. А также отметить вклад союзников в освобождение Бельгии.

Но сначала я добился иного эффекта. Честно, даже не ожидал, что получится.

Кто-то из посетителей рассказал дома, в школе. И стали учителя истории водить в кафе на экскурсию детишек разновозрастных. И прямо между столиков с посетителями проводили уроки. Я боялся, что немногочисленные завсегдатаи исчезнут, и я останусь вообще без выручки.

Но они сами внимательно слушали. Вставляли из-за столов, чтобы ребятишки поближе подошли и рассмотрели плакаты и фотографии. Впоследствии оказалось, что там были и дети сотрудников Североатлантического альянса. Они рассказали дома, родители заскочили на бизнесланч, кто-то забрёл вечером на кружку пива. Сами, будучи военными, с удовольствием рассматривали экспозицию, общались между собой, с персоналом.

И я начал поставлять в Центр фото посетителей, с целью из идентификации. Сам тоже начал завязывать знакомство.

Следующей выставкой были карикатуры США, Великобритании, Франции на фашистскую Германию. Детей уже не приводили, но понравилось военным из штаб-квартиры с Бульвара Леопольда III.

В это же время пришло указание сблизиться с подполковником из Эстонии, входил в представительство НАТО.

Роберт Артурович Тамм из семьи кадрового офицера. Поступил в N-ское военное училище перед самым развалом Советского Союза, окончил его, успел повоевать в Чечне. Зарекомендовал себя с наилучшей стороны. Был женат на русской, совместный сын. В 1997 году выехал на постоянное местожительство в Эстонию, поступил на службу в Армию обороны Эстонии. Жена не сумела адаптироваться, развелась, с сыном вернулась в Россию.

Тамм принимал участие в боевых действиях в составе НАТО в Афганистане и Ираке. Отмечен боевыми наградами. Тогда и приглянулся объединённому командованию. С 2010 года входит в представительство НАТО от Эстонии. Неоднократно привлекался к планированию операции сил альянса в Восточной Европе и на Ближнем Востоке. Неоднократно выступал наблюдателем на учениях в России.

Сын окончил то же училище, что и его отец и два деда. Проходит службу в дивизии в/дв, дислоцированной в Пскове. Во время поездки сына (Тамм Евгений Робертович) к деду — отцу матери в Минск, была организована встреча с отцом.

Провести встречу с использованием средств объективной фиксации не удалось.

Впоследствии источник, внедрённый в ближайшее окружение Тамма-младшего, сообщил, что во время встречи отец был подавлен, когда узнал, что сын проходит службу в Псковской дивизии. Настоятельно рекомендовал ему перевестись на Дальний Восток для дальнейшего прохождения службы. Вплоть до увольнения. Но лишь бы сын покинул территорию Псковской области. Сын ответил категоричным отказом.

Ранее были осуществлены вербовочные подходы к обоим Таммам. В разное время, разными сотрудниками военной контрразведки. Все попытки не увенчались успехом.

Анализ сведений, поступавших в Центр, свидетельствовал, о том, что на территории Эстонии готовится нечто, что может угрожать безопасности России.

Вот так и стал бывший товарищ Тамм моим заданием.

Были опрошены втёмную все бывшие сослуживцы Тамма. Все, начиная с курсантских времён. Мы все родом из детства и всегда делаем какие-то ошибки. Должны же были быть какие-то «скелеты

в шкафу». Вплоть до незаконнорождённых детей. У курсантов и молодых офицеров такое случается, порой они и сами не подозревают об этом.

Зачастую теряют секретные документы, случайно уничтожают их. Теряют оружие. Занимаются рукоприкладством в отношении разгильдяев. Ничего не было. Даже в Чечне взвод под командованием лейтенанта Тамма не понёс ни одной потери. Он был фанатом службы. Но часто проявлял инициативу, которая неизменно приводила к победе, хоть и была за рамками инструкций и приказов.

С первого взгляда производил впечатление несколько медлительного. Как рассказывали, на первых курсах военного училища, немного тянул слова, говорил нараспев, но к третьему курсу избавился от этого недостатка, только фамилия выдавала в нём эстонца. Всё остальное — чисто русский. Владел эстонским, русским, финским, английским, бегло разговаривал на немецком.

Несмотря на внешнею открытость, никогда, ни с кем не разговаривал о своей личной жизни, о проблемах, не жаловался. Зато всегда доброжелательно, молча, выслушивал чужие проблемы, зачастую давал дельные советы.

Все отмечали его аскетизм в жизни. Пунктуальность. Алименты выплачивал как положено. Когда заболела тёща, выслал ей денег на лечение. Предлагал устроить в европейскую клинику и оплатить. Тёща умерла. Выслал деньги на похороны. В личных документах хранит фотографию маленького сына.

Следующей выставкой я сделал фото Второй мировой войны. Как союзники освобождали Европу. Только два фото было о красноармейцах. Водружение Знамени Победы над Рейхстагом, и как солдат расписывается на закопчённой стене этого здания.

Потихоньку, не так быстро, как мне хотелось, но стали офицеры постоянными клиентами из моего заветного стеклянного сооружения с Бульвара короля.

Когда обновлялись «картины» на стенах, они внимательно рассматривали, обсуждали, комментировали. Некоторые оставляли большие, чем обычно, чаевые. Я наблюдал за Таммом. Мне была важна его реакция. Он задержался у двух фото с воинами из Советского Союза.

Тамм стал заходить почти каждый день. Он ни с кем не вступал в разговоры, только приветствовал знакомых по службе. Садился в угол. Заказывал пиво, иногда скумбрию по-бельгийски.

Если свободных столиков не было, то присаживался за барную стойку и брал пиво и сырны палочки. Пиво пил неспешно, потягивая каждый глоток. Так же неспешно и кушал. Очень долго жевал каждый кусочек, зачастую, прежде чем положить в рот, нюхал его, затыкивал носом аромат свежей пищи, иногда прикрывал глаза.

Как в Советской армии учили: «Тщательно пережёвывай пищу — укрепляешь обороноспособность Родины!»

Сидел он прямо, развернув плечи. Роберт Тамм был высок, за метр восемьдесят, широк в плечах. Годы и сидячая работа, конечно, наложили свой отпечаток. Под кителем уже был не каркас из мышц, как у российского десантника, которым он был непродолжительное время, но чувствовалось, что он крепок, готов к битве.

На лице видны мелкие шрамы. Они выделяются на белой коже. Так часто бывает, когда при обстреле лицо сечёт мелкими камешками и в ранки забивается пыль и грязь. Отметины на всю жизнь.

Даже когда Тамм сидел к залу спиной, он старался контролировать то, что у него за спиной. Бросал быстрые, короткие взгляды на зеркальную стену за спиной у бармена.

Было заметно, что он уклоняется от общения с американцами. Двое, майор и капитан, часто заходили. Вели себя громко и вызывающе. Было видно, что подполковник Тамм сдерживает себя, когда майор по-приятельски хлопнул его по погону. Я несколько раз просматривал этот эпизод. Тамму с трудом удалось сдержать себя, чтобы не взорваться. Он резко схватил руку, крепко сжал. Потом встал и мягко отвёл от погона.

Потом заказал ещё стопку водки, именно водки, выпил одним глотком, затем допил пиво точно так же, одним глотком, понюхал остатки сырной палочки, забросил в рот. Быстро проглотил, достал деньги из кошелька, бросил на стойку, не дожидаясь сдачи, нахлобучил фуражку и быстро вышел.

Потом он два дня не появлялся. Я уже стал переживать, что американцы испортили репутацию моему заведению. Стал разрабатывать иные пути для встреч и установления оперативного контакта.

Но нет. Вернулся. Заказал пиво и своё любимое блюдо. Стал заглядывать каждый вечер.

У меня сегодня смена экспозиции. Война НАТО в Афганистане и Ираке.

Случайно, совершенно случайно, хотя в разведке случайности встречаются крайне редко, а уж и совсем была не случайность, но было фото, где среди многих был и, тогда ещё, майор Тамм. Проще было бы, если это фото привезли из Москвы. У них большой фотоархив с Таммом, начиная с его первых фотографий. Пришлось побегать, в поисках фотографий в Европе. Нашёл, упросил, заплатил. И вот увеличенные снимки готовы для размещения на стенах моего заведения.

Встал, несколько резких взмахов, несколько боксёрских ударов по невидимому противнику! Глубокий вдох и выдох.

Конечно же, я не буду устраивать поединок с бывшим российским десантником. Я люблю тебя, Тамм! Как старый развратник медленно, шаг за шагом совращает молоденькую девушку. Так и здесь.

Грубое и нелепое сравнение. Но что-то есть в этом. Только меня не интересуют сексуальные соращения и извращения. А безопасность моей страны. Звучит несколько высокопарно, но если не осознавать цель, которой служишь, то можешь банально закончить предательством. А таких масса примеров. Как тот же полковник Потеев. Или скандально известный писатель в Англии по фамилии Резун, литературный псевдоним «Суворов». Тот же резидент в Англии Гордиевский, который сдал более сотни разведчиков. Или небезызвестный Калугин. Да, много предателей. Они забыли для чего пришли в разведку. Брюхо с родиною спутали. Божий дар с яичницей перепутали.

Эх! Начали! Вышел в зал.

— Эллис!

— Да, мсье.

— Ты — молодец! Выручка выше. Даже то, что не продавалось уже неделю, ты сумела реализовать! Как тебе удалось? Кому? Мне сегодня стоять вечером за стойкой, поэтому и интересно.

Эллис, польщённая похвалой работодателя, немного зарделась. И начала вещать, щебетать, расписывая в лицах, как она предлагала новинку нашего заведения.

У меня в очередной раз было раздвоение, расстройство сознания. Я ненавидел этот бар. Но, как владелец собственного дела, я должен быть заинтересован в увеличении прибыли, и поэтому я слушал, кивал, отпускал реплики, подбадривая и поддерживая её рассказ. Запоминал. Мне самому это пригодится. Не может быть хозяин хуже работника. Не может априори!

Другая часть сознания выискивала наиболее выигрышную позицию для размещения фото. Мне не нужно, чтобы все посетители узрели, опознали Тамма и кинулись поздравлять, окружая его вниманием, отсекая его от общения со мной. Нужно иное, чтобы только он признал себя на снимке. Значит, подальше от окна. И не выделять освещением. И чтобы он сел за стойку, рядом с фото.

Поддерживая разговор о мастерстве барменши, я снимал старую экспозицию со стен.

Пусть Эллис говорит. Доброе слово кошке приятно, не говоря уже про человека. А когда человеку, особенно женщине, дают возможность донести миру о том, какие они молодцы, то надо лишь поддерживать разговор. Но искренне. Никакой тени фальши. Человек 90 процентов информации получает через глаза. И даже при разговоре мы получаем информацию визуальную и оцениваем её. И видим ложь. Мы её и слышим тоже. Но именно визуально пытаемся угадать, понять, распознать ложь. И если будет ничтожное сомнение, что собеседник неискренен, потеряете его. Пусть даже ваш визави в этот момент несёт откровенную чушь, но гордится ею — будьте с ним открыты к диалогу. Покажите, что он вам интересен как

человек. С его мастерством, недостатками. Он в вас поверит. Он обретёт в вас сначала собеседника, товарища, друга. Но не сразу. Постепенно. Но это произойдёт. Точно так же и с бельгийцами. Внешне открытыми, но чрезвычайно замкнутыми внутри. С огромными комплексами подозрительности, маниакальной завистливостью.

Бельгийцы могут ездить на старых машинах. Одеваться как попало. Женщины могут не расчёсывать волосы.

Когда проходил обучение, нам внушали, что, приезжая в страну пребывания, мы не должны строить какие-то догадки. Просто воспринимать всё как есть. Никого не осуждать, не пытаться улучшить. Но... Первым впечатлением было, что собрали со всей Европы женщин с помойки. Неухоженные, нерасчёсанные. Когда оформлял документы на открытие кафе, пришлось немного походить по инстанциям. Со мной работала чиновница. Пятно на кофте, волосы, как встала, так и пошла. Ни капли макияжа, ни капли духов и дезодоранта.

Все деньги бельгийцы вкладывают в оборудование квартир, домов. И гонка. Гонка за самыми последними моделями бытовой техники. И этим можно как бы так, невзначай, похвастаться перед окружающими.

В гости никто просто так не ходят. Встречи дома назначаются за месяц-два, приуроченные к какому-нибудь событию. И приглашаются заранее. Через два месяца, такого-то числа, в такое-то время.

При встрече с неродственниками не обсуждаются личные, семейные проблемы. Только политика, погода и сплетни. Это бельгийцы очень уважают. Французы и немцы — невинные дитяти по части слухов.

И мои два источника в Бельгии поначалу пытались выдать слухи за проверенную оперативную информацию. Был бы помоложе и не такой опытный, мог и поверить и передать в Москву. Обучил, воспитал источников. Но всё равно, любую информацию от бельгийцев нужно проверять. Особенно если она устная, а не документальная.

Вербовка, её принципы, основа прописана ещё шесть тысяч лет назад китайцами. Ничего нового, только используй в каждом конкретном случае. Вопрос в том, что деньги могут быть лишь началом вербовочного процесса.

Вербовка источника информации — это не только получение твёрдо выраженного согласия оказывать помощь разведке России. Но и постоянный процесс. Ну взял человек деньги, передал информацию. Потом у него начинается психологическая ломка, что он предаёт свою страну. Или просто делает нечто, что не вяжется с его принципами. Вот тут надо его поддержать, подменить понятия.

Что есть правда? У каждого человека правда — это то, во что он верит. От этого у каждого человека своя, правда.

Помните, был фильм давно «Доживём до понедельника», и там была фраза: «Счастье—это когда тебя понимают!». Каждый человек мечтает, чтобы его понимали. С его правдой, с его недостатками, мечтами, неудачами. И вот если человек поймёт, что его понимают—идеальный кандидат на вербовку!

Мы все родом из детства. Кого из взрослых мы помним из детства. Не родителей. Нет! А дядю, тётю, соседа. А почему мы помним именно их? Нас окружали десятки взрослых. Потому что они были к нам добры. Искренне добры, они уделяли нам своё время и внимание. Они искренне интересовались нашими делами, помогали в наших проблемах.

Вот такое чувство благодарности мы записываем на подсознательном уровне и тянемся всю жизнь к таким людям. Хочешь подружиться с человеком—стань его добрым «дядей» из детства. Добро помнят только дети и животные.

Дети вырастают. Надевают маски, забывают добро, запоминают негативные моменты, отрицательные поступки окружающих, пронося глубоко в душе добрые искры воспоминаний.

Каждый человек хочет справедливости, правды.

Если под понятием «правда» имеются эмоции, эмоциональная составляющая, то это уже становится убеждением. Вот и задача разведчика-агентуриста убедить человека, что он делает доброе дело. Чтобы гордость от осознания собственных поступков у конфиденциального источника была раздута. Нужно постепенно менять его мировоззрение. Самый лучший источник—это тот, кто сотрудничает за идею. Тогда он сам уже думает, как больше добыть ценной и особо ценной информации.

Знаменитая «Кембриджская пятёрка» работала много лет на разведку Советского Союза бесплатно. Никто не брал за помощь Советскому государству ни пенни. А их информация была бесценна.

Вот и при предстоящей беседе с Таммом нужно понять, что у него правда. Пусть он поделится со мной ей. Пусть не всей. Мы все носим маски и скрываем от окружающего мира истинное лицо своего внутреннего «Я», некоторые проживают всю жизнь, но так и сами не могут внутри себя разобраться. А мне нужно понимать, чтобы строить работу в дальнейшем.

Мозг всё-таки удивительная штука! Раздумывая про Тамма, внезапно всплыли слова песни из молодости:

Там, за облаками
В небе колышется дождь молодой,
Ветры летят по равнинам бессонным,
Знать бы, что меня ждёт
За далёкой чертой,
Там, за горизонтом, там, за горизонтом,
Там, там-тарам, там-тарам.

Тыфуческого Тамм—там-тарам!

Тыфу! Точно не выспался! Нельзя думать по-русски! Нельзя! Даже во сне! И сны должны быть на языке проживания! Можешь бесконтрольно что-нибудь сболтнуть по-русски. Точно так же и во сне сказать, пробормотать. Нельзя!

И во сне нужно думать и анализировать! Есть такое заболевание «гипертимезия». При ней человек помнит всю свою жизнь. Каждую секунду. Говорят, что таких людей человек тридцать в мире. Врут они всё. Все российские разведчики такие. Ложась спать, ты, в отличие от большинства людей на планете Земля, не пускаешь пузырьки во сне, а закрываешь глаза и начинаешь прогонять свой день в деталях. Не сказал ли чего лишнего. Вспоминаешь всех людей, лица, одежду, с которыми сталкивался или мельком видел сегодня. Анализируешь встречи с людьми, которых видел вчера, неделю назад, месяц. Это может быть филёр наружного наблюдения. Их могут менять, чтобы ты не мог отфиксировать его дважды за день. Но возможности полиции, контрразведки не безграничны, его снова пустят за тобой, пусть даже у него будет борода, усы, другая одежда, иной возраст, но ты обязан его опознать. Иначе—провал. А самое лучшее время для анализа—когда ты в кровати. Если у тебя в квартире сумели незаметно смонтировать систему видеонаблюдения или наблюдают за тобой через тепловизор из соседней квартиры, то в положенное время для наблюдателя ты спишь в своей кровати. А ты не спишь, ты вспоминаешь, анализируешь, думаешь, сопоставляешь. Ни секунды из своей жизни нелегала ты не должен пропустить. Помнить всё! И всегда!

Тем временем Эллис закончила живописать, как ей удалось продать лежалую выпивку. Слушая одним ухом, поддакивая, искренне восхищаясь её ловкостью, снял со стен постеры старой экспозиции. Вместе с барменшей отнесли в мой «офис», вынесли новые.

Теперь Эллис, именно она, должна повесить их так, как мне нужно. Но она должна быть убеждена, что сделала сама. Это её идея.

Вышел на середину зала, вытянул руки, раскрыл ладони, растопырил пальцы, глядя через пальцы на стены, спросил:

— Эллис! Вы мне помогали развешивать фотографии прежних выставок. И это было очень удачно. У вас есть и вкус, и интуиция, то самое чутьё, что позволяет расположить исторические фотографии так, чтобы нравилось посетителям, заставляя их расставаться со своими деньгами.

— Фотографии снова военные для военных? — Эллис вышла из-за стойки.

— Конечно! Военные любят выпить, и у них есть монета. Вне зависимости от капризов погоды и туристического сезона. Согласна?

Эллис смешно наморщила носик и лоб, изображая думу на своём челе, поднесла указательный палец к носу и кивнула.

— Да, мсье. Поначалу мы все, — она мотнула головой в сторону кухни, — полагали, что вы — сумасшедший. Все гоняются за туристами, заманивая самым изощрённым, а порой и извщёренным способом. Вы изначально пошли иначе. Сразу видно — чистокровный француз. Нестандартно, элегантно, умно, изящно. И они пошли. Сначала слабым ручейком, потом больше. И идея с детской экскурсией — это. . . — она замахала руками от возбуждения. — Это было конгениально! Чудесная идея!

— Эллис. Спасибо, что вы оценили мою задумку, но дети — получилось само собой.

— О, мсье очень скромный. Мы это уже поняли и оценили. И очень добрый. И поэтому мы все готовы помогать. И я тоже! Итак? Давайте расставим вдоль стен сначала.

— Эллис, я думаю, что нужно выбрать самую яркую фотографию и разместить так, чтобы было видно при входе в кафе, — я крутился на месте, делая вид, что ищу самую яркую фотографию. — Вы же сами так мне говорили, Эллис.

— Да, мсье! Я так считаю! — с вызовом, уперев руки в бёдра, сказала Эллис.

— И какая, по вашему мнению, заслуживает пристального внимания? — я по-прежнему крутился на месте.

На самом деле закрывал фото с Таммом.

— Вот же! — Эллис явно нравилось выступать экспертом по выставкам и понукать своим хозяином.

Я и сам определил, что она самая яркая и будет в центре, когда отбирал фото. Каменистая площадка, несётся военный внедорожник, который население называет «Хаммер», за автомобилем шлейф пыли, из люка высунулся пулемётчик. На заднем фоне горы со снежными шапками. Фотографу удалось передать напряжение, скорость, динамику момента.

Очень примечательное, позитивное фото.

Когда я отбирал фотографии, мне неоднократно предлагали те, где запечатлены жертвы войны, в том числе и разбомблённые странами Коалиции больницы, школы, старики, оплакивающие своих внуков. Инвалиды без конечностей, сидящие у миски с потухшим взглядом.

Но зачем мне такие фотографии с жертвами? Я же не собираюсь будить в них совесть. Мне нужны весёлые, лихие, отчаянные вояки, которые к чёрту в зубы полезут за победой! Только позитивный настрой, который будит воспоминания о прежних победах, чтобы хотелось выпить, покуражиться, что-то вспомнить, приукрасить.

Я водрузил её по центру зала, чтобы сразу было видно. Включил светильники, отрегулировал освещение поярче.

— А теперь, Эллис, как вы мне рассказывали ранее, что-то возле бара. Где много деталей. Яркое, привлекающее внимание. Чтобы хотелось встать из-за столика, подойти, рассмотреть и заказать чего-нибудь выпить, коль всё равно возле стойки. Правильно?

— Мсье всё помнит! — она была польщена. — Думаю, вот эту!

Она ткнула пальцем в картину, где на лётном поле в длинный ряд была выстроена различная боевая техника.

Красивая картинка. Яркая. Техника излучала спокойствие и мощь, силу. Много деталей, их надо рассматривать.

Мне предлагали другие фотографии, где такая же техника была разорвана в клочья, горящие и горелые остатки этой боевой некогда мощи несокрушимой армады НАТО в Афганистане.

Но не нужны мне были такие фотографии о потерях.

За час мы развесили ещё полтора десятка фотографий. Самую «вкусную», с Таммом я приберёт напоследок.

Взял в руки, покрутил её, выискивая место.

— Вот же! — Эллис ткнула пальцем возле стойки, ближе к кухне.

— Точно! Я уже и забыл, что там осталось место. Она и не такая яркая, как остальные. Там ей самое место будет.

Эллис подошла поближе. Рассмотрела групповой снимок.

— Вы правы, мсье, вы правы. Лица не радостные, усталые, даже не усталые, — она помолчала. — Опустошённые лица, будто внутри всё выгорело. Как будто, как святой Лазарь, спустились в преисподнюю и вернулись оттуда. Всё оставили там, а вышла только оболочка. Какая-то неприятная фотография.

Помолчала снова, вглядываясь в изображение. — Знаете, мсье, страшная фотография. От неё пахнет тленом, смертью. Я даже боюсь её!

Зябка повела плечами.

Мне пришлось рассмеяться.

— Эллис, Эллис! Всё в порядке. Просто такое освещение. Я отрегулирую его, и всё будет хорошо! Здесь же темно! Вот смотрите!

Я включил подсветку, стало светлее на фотографии, тени ушли, лица стали более светлыми. — Вот видите!

Она посмотрела:

— Да, мсье. Стало легче. Но всё равно... Неприятная фотография!

Я отвлек её внимание. Не хотелось, чтобы она узнала Тамма.

Остаток дня пролетел в хлопотах. Первые посетители появились сразу после открытия. Кому-то кофе, кто-то пил пиво. Это туристы. Были всегда, эти обедали.

Предлагал же руководству внедрить систему распознавания лиц под легендой увеличения выручки. Заходит постоянный клиент или тот, кто был полгода назад, а система его идентифицирует и выдаёт меню, которое он употреблял ранее, отмечая его любимые напитки и блюда. И посетителю будет приятно, что у бармена хорошая память. Ну и мне будет тоже проще выполнять задания Центра. Ага! Хрен с маслом! Не привлекать внимания! Когда всё это найдёт широкое распространение в барах Европы, вот тогда — внедряй! А пионером в этом деле не смей! Полиции и контрразведке станет интересно откуда у тебя такие дорогостоящие «игрушки», тем паче рядом со штабом НАТО.

Сегодня четверг, я пораньше отпускаю Эллис, она навещает свою мать в доме престарелых. Традиция у них такая, своих родителей сдавать в дома для престарелых. Моя подчинённая хоть молодец, раз в неделю навещает. Знаю некоторых, которые только в Рождество и день рождения, звонят раз в квартал. И при этом записывают в ежедневник, выставляют напоминание в телефоне, чтобы такого-то числа, в такое-то время позвонить родителям.

Я выставку специально приурочил под четверг, сам встану к стойке. Хлопот много, но так надо.

Эллис, заглянула, сказала, что ей пора. Я вышел в зал. Ранее наблюдал за реакцией вошедших. Особенно офицеров в форме. Реакция была положительная. Они с удовольствием рассматривали постеры, переходя от одной картины к другой, потягивая пиво, возле стойки бара вспоминали, что нужно ещё что-то, и заказывали. Чаевые Эллис сыпались щедро. Конечно, она не всё присваивала себе. Половина уходила на кухню.

Только одна пара дамочек экзальтированного вида, заглянув, увидев, что много военных и они рассматривают фронтовые фотографии на стенах, стала громко возмущаться:

— Это безобразие! Это пропаганда смерти и войны!

Английский майор, ухмыляясь, встал из-за стола, подошёл к ним:

— Леди! Это не ваш формат! Не портите нам праздник, и мы не испортим ваш!

Самая наглая дамочка пару раз беззвучно открыла и закрыла рот, потом выпалила:

— Хам! Солдафон! Я буду жаловаться!

Выбежали на улицу. Бессердечные офицеры многих стран рассмеялись им вслед. Взрыв хохота был таков, что перекрыл музыку, которая шла фоном, и мне в камере было слышно. Дамочек я тоже зафиксировал. Пусть Центр посмотрит. Может, известные скандалистки, ходят по барам, ждут, когда их кто-то оскорбит, а потом подадут в суд на заведение. Многие зарабатывают как могут.

Эллис пошла переодеваться, я встал за стойку. Скучать не приходится.

Вошли немецкие офицеры. Спокойствие, равнодушие. Майор и два капитана. Смотрю на лица. Они удивились новой выставке. Озираются, рассматривают издали фотографии военных лет. Подошли ко мне.

— Добрый вечер, господа офицеры.

Заказали пиво, мясные закуски. Передал заказ на кухню, наливаю пиво. Предлагаю им присесть за столик. Моя задача — занять посетителями все столики. Одно место должно быть свободным.

Отслеживаю клиентов. Вечер будет жарким. Офицеры ходят по залу, рассматривая фотографии, снимают их на камеры смартфонов. Обсуждают. Пересылают фото со стен и свои снимки на их фоне друзьям, коллегам. Кто-то звонит и приглашает на кружку пива. Это иностранцы. Не бельгийцы. В течение часа подтягивается народ. Зал почти полон. Заполняется барная стойка. Одно место должно быть свободным. Ставлю поднос с чистыми кружками напротив нужного барного табурета.

Приходится крутиться быстро. Народу прибывает. Они голодны, хотят выпить. Только успевай поворачиваться. Плюс пробежаться по залу, забрать пустую посуду, протереть стол. Спросить, не желают ли мсье офицеры ещё чего-нибудь заказать.

Некоторые уже встают, рассчитываются, чаевые действительно хороши. До двадцати процентов от суммы чека. Это щедро. Очень щедро для такого места и далеко не фешенебельного ресторана. Предлагаю тем, кто сидит за стойкой, переместиться за освободившийся столик.

— Мсье, полагаю, там будет удобно.

— Нам и здесь неплохо, дружище! — слегка хмельные офицеры стран НАТО отвечают.

— Там иные фотографии из вашего славного прошлого, вы их можете подробно осмотреть — я не настаиваю, предлагаю.

«Терпение — добродетель!» — так записано во многих трактатах. Ну а у разведчика — это догма. Плюс умение ждать. Ожидание выматывает само по себе. Внутри кипит. Центр требует информации, наступательного движения. А как? Сказать, что не получается, потому что нужно ждать, выжидать, ожидать. Сложно. В сотый раз протираю стойку бара. Придёт — не придёт. Прямо как подросток на первом свидании волнуясь. Любит — не любит. Не хватало ещё ромашку купить в цветочном киоске, там есть голландские, и сиди, обрывай лепестки.

Пришёл! Подполковник Тамм вошёл. Он опоздал. Лицо уставшее, походка раслабленная. Кто-то увидел в углу за столиком, помахал рукой. Уф. Столик занят. Компания изрядно уже выпила и что-то громко обсуждала, тыча пальцами в фотографию с рядами техники.

Только Тамм вошёл, я тут же убрал поднос с кружками. Табурет стоит несколько поодаль ото всех. Знаю, что Роберт не любит шумные компании, предпочитает проводить время в одиночестве.

Он оглядел зал в поисках мест. Кое-где были свободные места за столиками, он обратил взор на стойку бара. Есть! Он пошёл на «его» — подготовленное — место.

Снял фуражку, полоса на лбу, надавило. Небрежно повесил её на стойку, растёр лоб.

— Добрый вечер, мсье подполковник! Пиво?

— Да, — он кивнул.

— А закуски?

— Пока ничего не надо, — он равнодушно махнул рукой, стал оглядывать зал. — У вас сменилась экспозиция?

— Да, — кивнул я, наливая ему пиво. — Стараемся каждые две недели освежать.

— Это хорошо. Новые фотографии, новые впечатления, — он крутил головой, рассматривая.

Улыбка тронула его губы, когда он рассматривал центровую фотографию, специально подсвеченную.

Поставил пиво перед ним. Он сделал большой глоток, слегка запрокинув голову. Взгляд зацепился за фото, что висело над ним.

— Ох! Ё! Это, что?

Он забыл про салфетку, отгёр тыльной стороной ладони губы, пену от пива, встал, кружку на стол.

Он стоял долго, молча, забыл про всё, во все глаза, рассматривая фотографию, где он был моложе на десять лет.

Не отрываясь от фотографии, спросил:

— Откуда это у вас?

— Как и все фотографии. Из редакций военных журналов. Они охотно дают на экспозицию свои работы. Поверьте, у них там много. Но тогда бы мои посетители ничего бы не заказывали. А лишь бродили между столиками, рассматривая стены.

Я прикинулся лишь жадным барменом. Для меня все эти картинки — лишь для привлечения внимания посетителей.

— Вы знаете, кто на этом фото? — спросил он?

— Нет, — я пожал плечами.

— Точно? — он насторожён.

— Точно. Я человек не военный. Точно так же не знаю, какая техника на других фото. Танки какие-то, пушки, — снова пожал равнодушно плечами.

— Понятно, — подполковник кивнул.

Подумал, наклонив массивную голову. Не отрываясь, выпил почти всю кружку пива. Вытер губы салфеткой.

— Водка есть?

— Водка есть, — кивнул я. — Вас какая интересует? Есть: американская, польская, израильская, французская.

— А русская? Русская есть? — настороженно спросил он.

— Конечно, мсье. Есть русская.

Достал из холодильника «Столичную». Поставил перед ним.

— Стакан.

— Стакан? — я сделал удивлённые глаза.

— Жаль, что у вас нет русского стакана, — он огорчённо покачал головой.

— Подождите, мсье. С этой водкой, в подарочной упаковке шли не очень красивые стаканы. Я убрал их в дальний угол, — нагнулся, достал гранёный стакан и стопку такой же формы.

— То, что надо! — он удовлетворённо кивнул. — Сигареты какие самые крепкие есть?

Я достал пачку, открыл, щёлкнул по доньшку, вышла наполовину одна сигарета. Спички с фирменной этикеткой и адресом моего заведения лежали в вазочках.

— Мсье курит? — вежливо поинтересовался я.

Было видно, что Тамм переживает массу эмоций.

— Мсье сегодня курит, — кивнул он. — Сейчас вернусь. Водку не убирайте и никому не давайте. Она — моя!

— Как скажете!

Роберт вышел на улицу покурить, бутылку я убрал вниз. Было видно, что взволнован. Закурил чуть ли не в зале.

Вернулся.

— Стакан водки! — голос требовательный, взгляд жёсткий, как командир перед строем.

Мой голос вкрадчив, немного удивлённый:

— Мсье будет пить в чистом виде, или развести соком?

— Стакан чистой водки! Никакого сока! И... — он подумал. — Эту стопку тоже налейте.

Мне не нужно, чтобы он быстро опьянел и привлёк внимание к себе окружающих. Пока что только я и он сам себя опознал на фото. Иные участники «массовки» мне ни к чему.

— Мсье, позвольте заметить, что водка — очень серьёзный напиток и требует к себе внимательного отношения. Не желаете заказать мясное горячее блюдо? У меня тут были туристы из России. Они сумели выпить почти все мои запасы водки и кушали много мяса горячего. Я думал, что придётся вызывать скорую помощь, потому что любой другой бы уже умер от алкогольного отравления. Но они сами ушли и вели себя очень прилично. Даже не шатались

— Хорошо, — кивнул. — Есть что-нибудь готовое? Чтобы не ждать. Дежурное блюдо имеется?

— Конечно, мсье. Гуляш по-фламандски, мясо, картофель, овощи.

— Только быстро!

Сделал заказ на кухню. Быстро подали. Всё это время Тамм сидел, задравши голову на фото.

— Наливай! — кивнул он. — Есть ржаной хлеб?

— Нет, мсье, нет. Только белый.

— Кусок.

Налил стакан водки по нижней каёмочке, стопку водки, подвинул к нему хлеб на тарелочке.

Тамм положил кусок хлеба на рюмку. Встал, перекрестился на католический манер, слева направо, посмотрел снова на фото, показалось, что слёзы блеснули в уголках глаз, выдохнул и одним залпом выпил стакан водки.

Никто на него не обращал внимания, даже те, кто сидел неподалёку.

Сел на табурет, охватив голову руками. Я подвинул ему тарелку с горячим.

Он начал жадно есть.

— Хлеба! — резко попросил он.

Я потянулся снять хлеб со стопки с водкой.

— Не трогай! Другой кусок!

Подав ему. Отошёл обслуживать других клиентов. Конечно, мне хотелось быть рядом с ним. Но увы и ах.

Когда я снова подошёл к нему, спросил, не нужно ли чего ещё. Он попросил ещё порцию гуляша.

— Налей мне порцию водки. Но в стакан.

В мерный стакан, потом в стакан. «1 дринк» — 30 миллилитров. В Англии — это 25, во Франции — 45.

Он поднял стакан чуть выше головы, как бы чокаясь с изображением. Выпил, закусил. Я протирал кружки полотенцем.

Поднял на меня глаза.

— Вы знаете, кто на фото, где она сделана и когда?

— Нет, мсье. Но она вам дорога, судя по вашей реакции.

— На фото... — он сделал глубокий вдох, загоняя рыдания внутрь. — Фотография сделана двадцать второго июня две тысячи седьмого года. В Афганистане в долине Сангин провинции Гильменд. А на следующий день, двадцать третьего июня, двое с этой фотографии, — он снова сделал глотательное движение, загоняя слёзы внутрь, махнул пальцем, мол, налей, — в результате ракетной атаки погибли, сержант Калле Торн и младший сержант Яако Карукс. Ещё четверо получили ранения — двое из них тяжёлые, они так и остались калеками.

Я налил. Он снова махнул.

— Вот что значит для меня эта фотография.

Я вышел в зал собрать посуду, принять заказ, протереть столики, поставил в окно кухни грязную посуду, подошёл к фото, как будто впервые её увидел.

Налил Тамму порцию. Протянул.

— За счёт заведения. Я увидел, что вы там, на фотографии, только моложе и небритый.

— Да, — кивнул, выпил. — Я. Вы правы. Моложе, полный идеалов. Идиот! Не так, конечно, как в 1995-м. Но всё равно. Наивный, полный иллюзий, идеалов. Считал, что спасаю мир, планету от террористов. А сейчас эти террористы пришли в Европу под видом беженцев, и европейцы аплодируют им. Парадокс жизни. Вот и спрашивается,

за что воевал я сам и за что погибли они? — он снова поднял глаза на фотографию.

— Мсье, это политика, — поддержал разговор я.

— Да. Политика. Давным-давно я воевал в Чечне.

Я поднял удивлённый взгляд на него.

— Да-да. Воевал в России. Там тоже были исламские террористы, арабы. Но в Европе твердили, что в Чечне — рост национального самосознания и нужно помогать партизанам против русских войск. И помогали всем миром. Помогали террористам.

Но там их сумели победить. Но они пришли в Европу. В Чечне у меня не было потерь. Чего не скажешь про Афганистан.

— Мсье желает ещё заказать горячего? — поинтересовался я.

Он подумал.

— Давай рыбу. Мяса уже достаточно.

— Кофе?

— Давай кофе. Сделаю перерыв, — было видно, что подполковника «развозило».

Кофе, так кофе. Медленно потягивал огненный крепкий, какой смог сделать, напиток без сахара, кивнул на бутылку водки.

— Вы пьёте коньяк, который не сделали во Франции? Или шампанское?

Я усмехнулся в ответ.

— Это невозможно, мсье. Это не коньяк и не шампанское. Это нечто в бутылке, которое так называется. Но их нельзя отнести к этим благородным напиткам.

— Согласен. То же самое с водкой. Она может быть только русской. Всё остальное, как правильно заметили, некая субстанция в бутылке с надписью «Водка». Пусть даже она и будет казаться мягче, даже с какими-то парфюмированными отдушками. Но это не та водка, которая есть в классическом исполнении. Даже водка, выпущенная во Франции, Америке по старинным русским рецептам, и то уже не то. И это не просто смешать воду и спирт. Это будет не водка, а просто водно-спиртовая смесь, но не водка. В ней нет поэзии, души.

— Чего? — переспросил я.

— Ничего, — устало махнул он. — Проехали. Забудьте. Вам не понять, — помолчал. — Вот, фотография сделана 22 июня. Что это дата говорит для вас?

Я закатил глаза к потолку, тщательно делая вид, что вспоминаю.

— Вряд ли что-нибудь эта дата говорит мне.

— Это дата начала войны Гитлера с Россией. Она тогда называлась Советским Союзом.

Я резкоотреагировал:

— Мсье знает, когда Гитлер напал на Францию — мою Родину?

— Нет. Мсье не знает. — Тамм отрицательно покачал головой.

— Десятого мая одна тысяча девятьсот сорокового года. Нас в школе учили. Сейчас в школах не учат. Вообще забыли ту войну. Ну было когда-то. Было

и прошло. Кто сейчас вспомнит про столетнюю войну.

Тамм покачал головой.

— Тогда была первая попытка организовать первый ЕС. Германия во главе с Гитлером. Неплохо получилось же! Минимум сопротивления. Заводы потом работали на экономику Германии. На войну против Советского Союза. Сейчас ЕС, НАТО. Все работают против России. Модернизация. И все довольны. Население занято на производстве. Не лезет в политику. Нет сопротивления. Антиглобалисты объявляются нигилистами, отщепенцами, сумасшедшими. Примерно так же, как и русские, которые не идут в кильватере.

— Вы же не русский,— пошёл на провокацию я.— Отчего же вы так печётесь о них? Если я не ошибаюсь, судя по вашей форме и нашивкам на ней, вы из Эстонии. Так?

— Правильно. Я не этнический русский. Я — эстонец. И горжусь этим. Но родился в СССР. И считаю своей родиной не просто маленькую республику, а огромный, великий Советский Союз! Да, тогда не было красивых обёрток, как за границей. Вы же не из Бельгии? У вас акцент иной.

— Я из Франции. Француз. И живу не так давно здесь.

— Отчего же здесь, а не на родине у себя?

— Решил попытать счастья.

— Понимаю. У соседа и трава зеленее и вода мокрее,— он явно наступал, и это хорошо.

— Да. Мне так казалось,— я кивнул, еле сдерживая улыбку.

— И как? Получилось?

Я отрицательно помотал головой.

— Немного не так. Хотя и язык одинаковый с небольшими вариациями. Вроде и думают так же. Но не то. Местные — иные. Немного, но другие. Но я не жалуюсь. Меня многое устраивает и нравится. И видите, я разговариваю с вами откровенно. Аборигены про себя ничего не говорят. Скоро я стану полностью, как все, и буду только кивать и улыбаться.

— Отчего не едете домой?

— У меня кредитов, во! — я чиркнул себя по горлу ногтем большого пальца руки.

— То есть поехали за мечтой, а напоролись на скрытый риф?

— Примерно так. Но я не теряю надежду!

— Вот так и я. Вернулся в Эстонию. Думал, что республика, осознав себя маленьким, но великим народом, сумеет подняться с колен. Но я был молод, глуп, отравлен идеалами пропаганды. В СССР Эстония была великой республикой среди прочих. Все пятнадцать республик были великими. Каждая по-своему. Но они были наравне со всеми другими сёстрами. Как в семье, бывает, что ссорятся, ругаются, но все родственники и помогают друг другу. Но это было давно. В прошлой жизни. А сейчас

Эстония... Побирушка. А сейчас... люди уезжают. Вся промышленность останавливается. И армия... вся армия — это чуть больше пяти тысяч человек. Звучит смешно. Бригада. Нас пугают русской угрозой. А мы никому не нужны. Понимаете?! Не нужны! Мы так рвались в Европу, думали, что будем жить как Германии, Франции, Бельгии! А мы живём как на задворках. Думали, что станем равноправными членами ЕС. А стали прислугой и плацдармом для НАТО, чтобы пугать русских. А русским плевать на нас и НАТО. Они лишь крутят всем фиги и живут как хотят, по своему укладу. — А семья есть? — я осторожно поинтересовался. — И семья была. Распалась. Кончилась. Из-за того что в Эстонии решили отрицать всё русское. Жена не выдержала, забрала сына и уехала. Сын уже большой. Самостоятельный. Более разумный, чем я. Знает, чего хочет для себя. Сказал, что он — русский. И не мечется с самоопределением, — взгляд был устремлён в пустоту. — Эх! Пауза кончилась!

Налей! — он пододвинул стакан.

— Может, ещё кофе? — осторожно поинтересовался я.

— Лей! — ткнул пальцем в сторону бутылки.

Я через мерный стаканчик налил ему чуть меньше дозы. Он не глядя замахнул одним глотком. Стал лениво ковыряться в рыбе на тарелке.

Народ постепенно потянулся на выход. Много столиков освободилось. Но Тамм не замечал этого, он сидел за стойкой бара. Теперь надо переводить разговор как-то иначе. Люди часто перебирают лишнего, откровенничают с незнакомым попутчиком в транспорте или по жизни, а поутру, протрезвев, понимают, что сболтнули лишнего, рады бы прибить свидетеля — носителя их сокровенных тайн, но не могут. И поэтому просто замолкают, стараются максимально быстро удалиться от бывшего собеседника.

Мне же этого не нужно.

— Знаете, я видел эстонцев в своём баре. Они не так пьют, как вы.

— И как же? — Роберт криво усмехнулся.

— Как вы обычно. Пиво умеренно. На закуски — снеки или рыба. Как вы обычно. Их даже и не видно. Сидят тихо. Как немецкие офицеры. Вы же ведёте себя как русские туристы. Пьют много водки. Не представляю, чтобы кто-то из присутствующих вот так выпил столько водки в чистом виде и продолжал сидеть. Разумно рассуждать, не крушить мебель. Не падал на стол или под стол. Не типично. Водку я держу для коктейлей. Самые отважные заказывают «Кровавую Мери» или «Отвёртку» — апельсиновый свежавыжатый сок с водкой.

— Дети, — довольный Тамм махнул рукой. — Водкой можно обработать раны, остановить кровь, согреться. Унять тревогу и тоску, помянуть усопших, — кивнул на стопку с кусочком хлеба наверху. —

Те, кто служил в Советской или Русской армии, знает это. Равно, как и в НАТО сидят дети. Им сказали, что враг — это Россия. Они и верят. В Эстонии нет здравоохранения. Ну нет его. Кончилось после девяносто первого года. У кого есть деньги, ездят лечиться в Швецию, Финляндию. Вместо того чтобы вкладывать деньги в медицину, Эстония покупает оружие. Много оружия. Заманивает НАТО на свою территорию. Отдаёт пашни под полигоны. И не думает, что за её спиной ей же готовят в спину нож. Большой. Огромный! — он развёл руки, показывая, как рыбаки демонстрируют, какая рыбаина у них сорвалась.

При этом взгляд у него стал трезвым, жёстким. Значит, информация косвенно подтверждается. На территории Эстонии что-то готовится. И теперь уже ни Центр с меня не слезет, ни я не отстану от Тамма. Не похищать же его и не везти в Москву! Только если сам сбежит! Тоже неплохая мысль, кстати!

— Отчего же вы не поможете своей стране? — спросил я, глядя в глаза.

— Помочь? Эстонии? Помогать больному можно и нужно, когда он сам этого хочет. А если он упорно лезет в петлю, его вынимаешь из неё, но стоит только отвернуться, он уже на табуреточке. И петелька на шее, и пистолет у виска. Выстрело себе в голову, упаду. Даже если и выживу, то петля задушит! Контролируемое самоубийство.

— Но она же ваша страна. Это как мама. Если она в силу заболевания или возраста творит глупости, вы же не бросите её? Мы в детстве делали массу неприятных вещей, но родители нас не бросили, а помогли. Теперь наш сыновний долг помочь матери. В вашем случае — вашей Родине.

Задумался.

— Не брошу, конечно. Но вряд ли смогу помочь. Остаётся только наблюдать за трагедией. Максимально дистанцироваться от этого.

— Знаете, — начал я осторожно, издавека, — недавно в Лондоне был террористический акт. На Лондонском мосту микроавтобус врезался в толпу отдыхающих. Затем из него выскочило трое арабов с мачете. Известно такое оружие?

— Конечно. — Тамм кивнул. — Полумечи для рубки сахарного тростника. В умелых руках — страшное оружие. Рубяще-колющего применения.

— Думаю, что эти фанатики тренировались, коль не сумели добыть огнестрельного. Так вот. Они начали крошить, крушить окружающих их людей. Когда отдыхающие в панике все бежали, арабы пошли в ближайший пивной паб. Продолжили там свои злодеяния. Только один из посетителей поднялся и не побежал, а взял стул и стал отбиваться от этих животных. Задержал по времени нападавших. Отвлёк их на себя. Все посетители паба и персонал скрылись, сбежали. Он отвоевал им время. Спас много жизней. В одиночку.

— Прикрыл отход, — подполковник заинтересовался моим рассказом.

— Но ему было мало задержать отход, а потом погибнуть. Он перешёл к атаке. И выдавил террористов на улицу, под выстрелы полиции. Всех троих отправили на тот свет. В их рай, к девственницам, или о ком они мечтают.

— М-да. Хорошая история. Не слышал. Этого отчаянного смельчака надо наградить. Русские говорят: «И один в поле воин!»

— Один. Воин. Боец. Не за награду он бился. Я так думаю. А чтобы людей спасти и самому не погибнуть.

— Наверное, парень был изрядно пьян. — Тамм усмехнулся криво.

— Так и вы не трезвы, — парировал я.

Он снова посмотрел на меня тяжёлым, но уже трезвым взглядом.

— Не понял.

— Вы можете спасти свою Родину.

— В одиночку? — недоверчив.

— Зачем в одиночку. На свете много равнодушных людей, которые хотят помочь Эстонии не попасть впросак. Не натворить глупостей.

Тамм откинулся. Осмотрел уже полупустой зал. Фотографии на стенах. Ещё раз взглянул на фото над собой. Потом на меня.

— Налей, — палец на бутылку.

Я плеснул уже без мерного стакана. Почти полстакана. Может пить подполковник. Сразу видна русская вдв-шная школа.

Он взял стакан, оттопырил указательный палец, обвёл рукой со стаканом зал:

— Я понимаю так, что всё это для меня? Для разговора со мной? Так?

Одним глотком выпил водку как воду. Зацепил уже подсохшую закуску с тарелки, кинул в рот. При этом старался не отводить взгляд от моих глаз.

Рисковал я? Очень рисковал. Но я так решил. Принял решение! Ва-банк!

— Да. Всё ради вас. Или ради Эстонии. Как хотите. Конечная цель — ради мира на Земле.

— Не бойтесь, что я сейчас пойду в контрразведку НАТО или в местную SE — sûreté de l'Etat?

Я улыбнулся.

— Вы вольны делать всё, что хотите. Я не вправе вам указывать, что делать и с кем говорить. Просто не каждому выпадает уникальный шанс помочь своей Родине. Спасти страну, спасти граждан своей страны, которых, как вы сами заметили, и так уже мало осталось, — я смотрел на него жёстко, уже не как благодушно-равнодушный бармен.

Тамм молчал, желваки у него гуляли под кожей. — Кто вы?

— Я? — я усмехнулся. — Бармен. А вот кто вы — сами решайте. Сейчас не важно, кто я. Главное — кто вы. Подполковник, боевой офицер или...

— Или?

— Или кусок гудрона, лежащий на обочине жизни, который все пинают. Сами определитесь для себя. И вам станет легче и понятно, что делать дальше. Как поступать. Применяя военный термин, ответьте сами себе, в чьих окопах вы?

— Кто за вами стоит? Какая разведка? Или контрразведка?

— Скажем так. Люди, желающие мира во всём мире.

— А конкретно?

— Подполковник, вы часто проходите тест на полиграфе?

— Дважды в год. — Тамм пожал плечами. — Допуск к совершенно секретным документам. Стандартная процедура. Все проходят. А что?

— И вам задают вопрос о контактах с представителями разведки стран, не входящих в блок НАТО?

Он задумался.

— Да. Есть такие вопросы. Даже несколько. Они повторяются в различных вариациях.

— Так вот мы, — сделал упор на «мы», — в первую очередь заинтересованы в вашей безопасности, как личной, так и служебной. Чтобы вам не пришлось врать, изворачиваться, подставляться при проверке на полиграфе.

— Я настаиваю, — он упорствовал.

— Назовём так: «Фонд борьбы за мир во всём мире». Вас это устраивает?

— Какая страна?

— Международный. Поверьте, вам же легче будет проходить полиграф и иные проверки. Не знаешь — не соврёшь.

Он молчал. Молча, показал на бутылку. Я вылил остатки в его гранёный стакан. Поднял на уровень глаз и сказал по-русски:

— За ваше здоровье! — выпил.

Я улыбнулся.

— Вы знаете русский? — голос твёрдый, требовательный.

— Я смотрю американские боевики, в которых русские все пьют водку и постоянно говорят один тост: «На здоровье!» Русские туристы, которые заходят ко мне тоже часто говорят, как вы: «За здоровье!» Поэтому я понял, что вы пьёте за моё здоровье. За это вам отдельное «спасибо».

— А ты скользкий, — в его голосе сквозило уважение.

Я молчал. Он молчал. Потом выдавил из себя:

— Давайте поговорим. Но я много не знаю.

— Давайте завтра. Не здесь. Как вам такой расклад? Он кивнул.

— Во сколько вы встаёте?

— В пять утра, — он был удивлён.

— А потом?

— Потом у меня пробежка.

— Маршрут один?

— В основном, да. Но я часто меняю. — он замялся. — Привычка. Профессиональная деформация

личности. Считаю, что на привычном маршруте проще устроить засаду. Много зелёных насаждений. «Зелёнка». А я очень не люблю их с Кавказа, — он поёжился от воспоминаний.

— Понимаю, — я кивнул. — Как насчёт того, что вы завтра выйдете на пробежку, но измените маршрут?

— Так рано встречаться? — удивился он.

— А что вас смущает? Город ещё только просыпается. Где вы обычно бегаете?

— Парк Волюве (Parc de Woluwe).

— Знаю. Хорошее место, — кивнул. — Вы забегаете со стороны бульвара Суверен?

— Да, — голос удивлённый. — Ведь чувствовал, что за мной наблюдают. Чувствовал как волк, но не мог понять! Всё-таки интуиция на войне научила многому.

— В пять десять я буду на машине возле входа в парк, сядете на заднее сиденье.

— Вы меня похитите? — голос напряжён.

— Зачем? — искренне удивился. — Если мы будем спасать страну, а то, может, и не одну, зачем вас похищать. Я желаю вам самого лучшего, здоровья и многие лета, плодотворной жизни! А сейчас рассчитайтесь и ступайте спать. Вам утром на службу.

Он был ошарашен. Достал банковскую карту, я снял с неё деньги. Тамм из кармана достал несколько купюр, бросил на стойку:

— На чай! — громко сказал он, так чтобы слышали все в зале.

Голос пьяный, немного развязанные манеры. Хорошо играет. В меру.

— Благодарю, мсье. Очень щедро с вашей стороны, — я улыбался как бармен, получивший хорошие деньги.

В течение часа посетители очистили зал. На часах полночь. Я отсчитал половину неплохих чаевых, зашёл на кухню, смена уже сворачивалась. Шеф-повар, назовём его так, хотя до «шефа» ему было далеко, Михаэль, вопросительно смотрел на меня.

Я поблагодарил всех. Отдал ему долю чаевых. Все видели, что сумма приличная, гораздо больше, чем обычно, заплодировали.

Сел в машину, домой. Спать. Я ещё не подготовил сообщение в Центр о поездке во Францию. Завтра. И про одно и про другое мероприятие. Если он притащит контрразведку. Чужая душа — потёмки. Хотя я наблюдал за ним, анализировал, не должен... Спать!

Подсознание анализировало прошедший день, прошедший разговор. Попутно вспоминалось, кто и как из посетителей вёл себя. Может, кто обращал внимание на нас. Прислушивался. Не заметил. Спать.

Сквозь обрывки сна снился мне мой дед. Старинного дворянского рода. Лазарев.

Давным-давно при царе-батюшке было Жандармское управление. И было там восьмое охранное отделение. На всю Российскую империю тридцать два офицера. Тридцать два оперативных сотрудника. Не много. Но работали эффективно. Они внедряли своих агентов во все политические партии, движения, кружки, во все слои общества свою агентуру. Контролировали, а порой и управляли процессами.

Азеф Евно, оперативный псевдоним как агента «охранки» «Инженер Раскин». Сдал массу боевиков эсеров.

Среди всех партий были источники информации. Но любая разведка или контрразведка работает в интересах или по заказу высшего политического руководства страны. И хоть контрразведчики докладывали, сигнализировали, что ситуация в Российской империи выходит из-под контроля, чревата взрывом, революцией, но царь, правительство всё игнорировали. И случилась Февральская революция.

В тот же день все архивы восьмого отделения Жандармского управления сгорели. Сгорело всё. Дотла. И личные дела на офицеров тоже пропали бесследно.

Никто не был пойман, задержан. Растворились в воздухе. Только один был задержан. В Киеве. Мой дед.

Его жена была беременна. Тяжёлая беременность, тяжёлые роды. И сыпной тиф... В сыпном бараке умерли и жена и трёхмесячный сын.

Деда опознал его бывший агент из эсеров. Деду повезло, он только оклемался от тифа. Был ещё сильно ослаблен. Бросили в киевскую тюрьму, в одиночную камеру. Сам Петлюра хотел его лично допрашивать. Надо же! Целого жандармского офицера поймали! И непростого, а из «охранки»! Важная птица!

Об этом напечатали местные газеты. Даже советская власть тут же обратилась через посредников к Петлюре с предложением обменять или выкупить деда.

Двое суток провёл в камере дед. А потом исчез. Из закрытой камеры. Из охраняемой тюрьмы. Больной, ослабленный. Испарился, растворился.

В тридцатых годах советская власть через зарубежную прессу обращалась к названным офицерам, просила вернуться домой или выйти на связь с советскими представительствами. Обещали полную реабилитацию, деньги, славу, почёт, пенсию. Никто не откликнулся на призыв советской власти в то время. Знаю точно, что информация о них в России до сих пор засекречена, хотя прошло уже почти сто лет.

Дед всплыл во Франции. Только уже не как русский эмигрант, а как француз. Имел в собственности два доходных дома. Снова женился. Тоже русская. И тоже из древнего русского дворянского

рода. Вот и получается, что я наследовал дворянин и кровь у меня цвета медного купороса. А я тут барменом пыль со столиков смахиваю и раскладываюсь за щедрые чаевые.

В 1937 году у деда родился сын. Мой отец. Дед понял, что Гитлер не успокоится, и после оккупации немцами Судетской области Чехословакии отправил свою жену с годовалым сыном в Советский Союз. С письмом, в котором рассказывал, кто он и предлагал помощь разведчика-нелегала в Европе.

Бабушку с отцом отправили жить в Ленинград... А потом началась война и больше чем девятьсот дней блокады города. Голод и холод...

Бабушка умерла и похоронена на Пискаревском кладбище. Отца вывезли в Горький, в детский дом.

Дед активно работал на советскую военную разведку. Свои доходные дома во время захвата Франции он предоставил немецким офицерам. Что использовалось для получения информации и легло маленьким кирпичиком в общую Победу над фашистами.

После освобождения Франции деда обвинили в коллаборационизме. Деду пришлось продать за бесценок свои дома и уехать в деревню. Там купил шато и поднял его. Вино его марки приобрело популярность. А потом приехал к нему сын. По легенде, сын войну пережил в Австралии, там и получил первое образование, женился.

Так и зажили они втроём, три разведчика-нелегала советской разведки. Наверное, уникальный случай. Когда семейная пара нелегалов — нормально, а вот когда в двух поколениях... Ненормально.

Там же родился и я. По достижении десятилетнего возраста я уехал с дедом в Советский Союз. Официально, думаете, куда? Ну конечно же — в Австралию! К родителям моей мамы. Она же у меня коренная австралийка! Конечно, никаких родственников там у меня нет.

И вот в славном городе на Неве я прошёл подготовку. Многому меня обучал сам дед. Я видел, с каким почтением, с какой учтивостью с ним общались и говорили мне, чтобы я гордился своим дедом. И какой он уникальный человек, и как много сделал для Родины!

Я гордился. И осваивал нелёгкое ремесло разведчика-нелегала. После вернулся к родителям. Я их и раньше видел, они приезжали в отпуск. Недолгие встречи. Казалось, что мы не спали всё это время. Вчетвером говорили, ходили по городу. Дед рассказывал нам про памятные места его молодости. Показывал фамильный дом. Конечно, там живут другие люди. Но всё равно, приятно стоять возле своего родового гнезда и осознавать, что мои предки жили здесь и как много они сделали для своей страны.

Работа в шато давала возможность отцу разъезжать по всей стране, не вызывая подозрений.

Прикрытием поездок было — наладить новые каналы поставок вина.

Отца с мамой отозвали в Союз, а мне было поручено продать семейный бизнес и заняться иной деятельностью. Что я и сделал. В глазах окружающих я читал осуждение. Дед поднял с колен полуразвалившееся хозяйство, отец продолжил, а сынок-повеса всё загубил.

Неведомым им было, что вкус вину придаёт лоза из советской Грузии и Абхазии. Именно купаж с добавлением этих сортов винограда и ценился у знатоков и выгодно отличался на фоне конкурентов.

Дед похоронен на старинном кладбище в Санкт-Петербурге — Лазаревском. Там же покоятся и многие его предки. Не такой величественный памятник, как окружающие, на его могиле. Но как он любил говорить мне маленькому: «Человек не велик памятником могильным, а делами своими и памятью о нём!» Мне часто стал сниться мой дед. Великий разведчик, великий патриот.

Родители живут под Санкт-Петербургом в своём небольшом доме. Мама, хоть и на пенсии, но до сих пор преподаёт в университете на кафедре иностранных языков, занимается переводами на французский.

Папа, официально, на пенсии. Очень любит возиться в саду. Многолетняя привычка работать на земле во французской деревне осталась. Он пытается вывести виноград в северных широтах, но получается плохо. Также осталась привычка к хорошему вину. Иногда отец исчезает на несколько месяцев. Соседям говорит, что навещает свою многочисленную родню по всей России. Прежняя служба периодически привлекает его для выполнения отдельных мероприятий. Даже у меня проработал связным, когда нужно было передать срочно информацию в Центр, а тайниковый способ не подходил.

В Петербурге и его окрестностях проживает много потомков славных дворянских родов. Высоко посаженная голова, ровная, как будто лом проглотил, спина, хорошие манеры. Это никого не приводит в ужас в культурной столице. А вызывает уважение. И мои родители с их манерами хорошо вписываются местную среду.

Будильник разбудил меня в четыре утра. Которая по счёту у меня уже бессонная ночь? Можно, конечно, открыть замаскированный контейнер. Там есть специальные таблетки. Они дают гарантированно семьдесят два часа бодрствования. Только потом столько же времени нужно спать. Иначе сорвёшь нервную систему в ноль.

Ну ничего. Мы уж как-нибудь привычными средствами обойдёмся. А специальные лекарства, разработанные в секретных лабораториях, оставим на потом. Даже «сыворотку правды», которая также припрятана в тайнике под видом

безобидных инъекций, оставим на иное время. Душ, кофе с чайной ложкой коньяка, да простят меня французы, что я так обращаюсь с десятилетним напитком, витамины, бутерброд. В глаза капли, чтобы снять красноту белков глаз. Голову вправо, влево, назад, вниз. Уши растереть. Ехать по пустому городу десять минут. Но мне нужно не просто доехать до места и взять пассажира. Я же не таксистом работаю.

Круг в три квартала вокруг предполагаемого места встречи, постепенно сужая радиус. Под конец, оставил машину, пешком прогуляться по парку. Вроде тихо. Нет времени извлекать сканер радиочастот, чтобы прослушать эфир. Операцию проводят люди. А они совершают ошибки. Болтают в эфире. Выходят из машин, чтобы размяться, покурить. У всех разная степень подготовки, они по-разному относятся к выполнению задания.

Но тихо! Я дал слишком мало времени контрразведке для подготовки мероприятия по моему захвату. Если допустить, что Тамм прошествовал к контрразведчикам, после полуночи не так легко всех быстро собрать в одном месте, расставить людей, проработать различные варианты. И надо ещё поверить ему. В подполковнике сидело полкило водки, а это уже немало для нормального организма.

Могли запустить и дрона, чтобы с высоты фиксировал встречу. Камеры наружного наблюдения в этом районе после терактов меняли на цифровые, так что можно было не переживать, что засекут. Сейчас на короткий срок район остался без средств объективной фиксации. Вон, видны провода. Старые камеры городские власти сняли, новые не установили. Но есть камеры у магазинов, баров. С них тоже просто снять происходящее. Но на это нужно время. У меня был небольшой запас этого ресурса. Форс.

Ещё раз прогнал разговор с Таммом, не выходило, что он должен был метнуться в органы безопасности и писать явку с повинной, что его хотят завербовать неизвестные злыдни под доброй личиной бармена.

Ладно, с Богом! Бог не выдаст, свинья не съест. На наручных часах пять часов. Поехали! Завёл мотор, двинулся в сторону парка, из которого я только что вышел.

В спортивном костюме цвета национально-го флага своей страны бежал Тамм. Вокруг него никого не было. Он бежал легко, размашисто, экономя силы. Так бегут спецназовцы на маршброске. Носки кроссовок чуть внутрь, чтобы ноги не так быстро уставали. Стараются дышать носом.

Я подъехал к нему, остановился в двух метрах впереди. Так и крутилась фраза на русском на языке из фильма «Бриллиантовая рука»:

— Такси на Дубровку заказывали?

Но не стал хулиганить. Тем паче что до конца не уверен в благоприятном исходе дела.

Я опасаясь его, он боится меня. Взаимное недоверие—это нормально на вербовочной беседе.

Опустил все стёкла в машине, чтобы он был спокоен, что, кроме меня, никого нет.

Тамм, не снижая темпа, подбежал к машине, резко рывком открыл заднюю дверь, влетел в машину. Я нажал кнопки на закрытие окон, начал движение.

— Доброе утро,— начал я.— Удалось поспать?

— Не очень.— вид у него и действительно был изрядно помятый.

«Что же вы, ваше благородие, так нарезались-то вчера, а?!» — мелькнула мысль. Да и «выхлоп» перегара водочного у него солидный.

— Давайте поговорим,— продолжил я.

— Мне нужны гарантии, что Эстонии не будет нанесён вред,— упрямо он смотрел в водительское зеркало заднего вида.

Я поднял глаза, встретились взглядами.

— Во-первых, я не знаю, о чём идёт речь. Во-вторых, я же сказал, что организация, которую я представляю, против войны в любых формах. За мир во всём мире. Думаю, что вы тоже разделяете, как военный, эти взгляды. Потому что военные и их подчинённые погибают на поле боя за промахи политиков, неспособность их договориться. И из-за амбиций военно-промышленного комплекса. Люди гибнут за металл. Если вам нужны гарантии, то расскажите мне всё, что знаете, а мы подумаем, как нам обезопасить вашу страну. Договорились? Я внимательно слушаю. Но для начала уберите, пожалуйста, всё, что у вас есть в карман, в металлическую коробку, что лежит на полу,— посмотрел на него и добавил с нажимом.— Пожалуйста.

Он нагнулся, поднял коробку, откинул крышку и начал вытаскивать из карманов телефон, ключи, всё положил, закрыл крышку.

Коробка была со свинцовым напылением. На дне установлен датчик давления, который включал систему подавления сигнала. Изнутри ни одно радиопередающее устройство не могло ничего передать. Стандартная мера предосторожности. Также внутри автомобиля был установлен сканер выявления радиосигнала. Я посмотрел на панель приборов. Горел зелёный светодиод. Значит, всё в порядке. Можно разговоры говорить.

Тамм вдохнул полную грудь воздуха, как перед прыжком в воду, затаил на секунду дыхание и начал:

— Часто со мной советуются по политическим и военным аспектам по России и Эстонии. Три месяца назад меня вызвали в отдел анализа и планирования специальных операций и попросили охарактеризовать, на мой взгляд, русское меньшинство в Эстонии. Их возможное поведение

в случае массовых беспорядков в Эстонии. На сколько вероятно проведение референдума по присоединению отдельных территорий Эстонии и других прибалтийских республик.

Он замолчал.

— И это всё?— я был разочарован.

О таком сценарии власти трёх республик трубили во всех средствах массовой информации, тем самым усиливая давление на оппозицию и на «не граждан» их стран.

Он помолчал, продолжил:

— Также их интересовало, как поведёт себя население в случае химической атаки со стороны России? В частности, со стороны Псковской области.

— И это всё?

— В общих чертах— да.

— Понятно. И каков был ваш ответ?

— Я сказал, что не исключено, что не только русские поддержат референдум, но и часть эстонцев тоже. Потому что ожидание праздника— лучше самого праздника. И вступление в единую Европу и в НАТО не принесло Эстонии тех возможностей и уровня жизни, на которые они рассчитывали. А про химическую атаку сказал, что только глупец может применять боевые отравляющие вещества. Население будет умирать и паниковать.

— Это всё?— он начинал меня уже раздражать.

Конечно, источник в НАТО нужен, пусть даже и представитель ничего не решающей страны, но имеющий доступ к небольшой информации— это лучше, чем ничего. И я не собирался отступить. Но вот так проводить вербовочную беседу «на бегу», глядя периодически в зеркало заднего вида автомобиля,— не дело. С кандидатом на вербовку, с конфиденциальным источником, иначе «конфидендом», нужно общаться не менее пары часов, глядя в глаза, понимая, где он лжёт, утаивает информацию, пытается сознательно донести до меня дезинформацию, двурушничает или откровенно встал на путь предательства. Некоторые источники, получая денежное вознаграждение за информацию, «подсаживаются» на «денежную иглу», а добыть ничего стоящего не могут. Утратил оперативные возможности, вот и начинает врать, придумывать, вытягивая деньги. Только личная встреча может помочь выявить ложь. А сейчас... А я вот так... Не профессионально я поступил. Но Центр «давит», получая обратную связь, буквально пинает меня.

— Тамм, давайте спокойно, без суеты. Кто вас пригласил? Кто конкретно разговаривал?

— Были три офицера из Стратегического Командования НАТО, отдел анализа и планирования специальных операций...

— Вы входите в какое подразделение?— хотя ответ я и так знал.

— В «Постоянный Комитет планирования НАТО». Как все военные представители. Так вот. Три

офицера. Два американца, британец. Их я давно знаю, пересекались на совещаниях и учениях. Специалисты по Восточной Европе и России. И был один штатский. Его часто привлекают при разработке операций. Томас Браун. Немец. Говорят, что лучший ученик американца Стивена Манна. Вы знаете их?

— Потом. Сейчас мало времени. Продолжайте!
— Они меня долго расспрашивали о моей службе в России, об опыте боевых действий в Чечне. Потом про Афганистан. Я потом уже понял, что они проверяли мою лояльность. Нет ли у меня симпатий к России. Спросили про семью, — секундная пауза. — Сказал, что давно уже не поддерживаю отношений. В России сказать, что твой отец или бывший муж входит в представительство НАТО — навлечь массу неприятностей. Потом долго расспрашивали про Эстонию. Какой мой взгляд на отношение людей к ЕС, НАТО. Ответил честно, что они разочарованы. И даже качество лекарств в Германии, Франции выше, чем в Эстонии. Да что там лекарства! Банальный стиральный порошок, и тот лучше! Из-за санкций против России и контрсанкций многие предприятия закрылись. Люди нищают. Всем говорят, что Россия во всём виновата, но многие считают иначе. Ну а потом стали меня опрашивать на предмет, если появятся «зелёные человечки», как в Крыму, т. е. военные без опознавательных знаков принадлежности к какой-либо армии, местные повстанцы из русских захватят административные, военные объекты, какова будет реакция населения? Поднимутся они или нет на защиту своего суверенитета? Я честно ответил, что очаги сопротивления, безусловно, будут, но незначительные. Особенно, ближе на восток, где сильны пророссийские воззрения, то ничего не будет. Тогда они стали меня спрашивать, изменится ли настроение, в случае применения русскими химического оружия? Ответил, что русские не будут применять химическое оружие массового поражения. И нет у русской армии такого опыта применения. Тут надо понимать менталитет местных в Эстонии. Они с тем, кто сильнее их. Они на стороне победителей. Был сильным Сталин — они его приветствовали, пришёл Гитлер — с цветами и радостными визгами. Вернулась Красная армия — снова цветы. Из прибалтийских республик эстонцы первыми отчитались перед Шикльгрубером о том, что всех евреев уничтожили. Не все, конечно, но в большинстве своём. У меня в крови намешано много всех наций. По мужской линии — эстонцы. Вернее, носители фамилии Тамм. Но замуж все брали русских, литовок, белорусок, были и польки, норвежки. Так что внутри у меня интернационал. У самого жена наполовину русская, наполовину белоруска. Люблю Эстонию, но часто не понимаю, от этого и ненавижу аборигенов. Ждут, когда им всё принесут на подносе. А когда этого нет,

то бегут за лучшей долей из страны. Не хотят на месте ничего менять. Вот так же и с оккупацией Россией. Никто не будет сильно сопротивляться. Если пришли русские, значит, они сильнее НАТО и ЕС. Все помнят заводы, фабрики, что были в СССР. Бесплатные квартиры и образование. Поэтому пусть медведь с шакалами воюет, а мы посидим, покурим, понаблюдаем и к победителю с цветами подбежим, пнём поверженного врага. Как в китайской поговорке: «Мудрая обезьяна сидит на горе и наблюдает за битвой тигра и льва. А потом спускается и присягает победителю либо добывает оставшегося в живых раненого». Как с Советским Союзом получилось. Только почувствовали, что медведь ранен и ослаб, тут же и переметнулись на другую сторону. Менталитет такой у маленького народа. Примерно так я рассказал им. Не очень-то понравилось им.

— Что ещё?

— Точно знаю, что они интересовались подобными вопросами у литовского представителя. Мы часто встречаемся на совещаниях, да, и сверяем информацию, когда докладываем в свои Главные штабы. Должна же быть одна позиция на совете. У латышей интересовались тоже. Все примерно одинаково обрисовали картину.

— С кем конкретно вы общаетесь?

— Подполковник Петраускас Лукас.

— И каково его мнение было?

— Примерно такое же. Хотя нас просили не обсуждать ни с кем этот разговор. Петраускас до разговора со мной пообщался с представителем от Латвии Озолиньш Эдгарсом. То же самое. Будет война гибридная, то население в большинстве своём будет пассивно наблюдать. Латыши более открыты и честны. Литовцев у нас за глаза называют «цыганами». Точно так же, как норвежцы, датчане, шведы кривят рот, но не признают финнов скандинавами, за спиной шёпотом называя «чухонцами». Но у всех представителей стран Прибалтики в НАТО, на удивление, оказалось одно мнение.

— Ваших визави это удовлетворило?

Он задумался.

— Знаете, я понял так, что офицеры спокойно отнеслись к этому. А инициатором был Браун. Он очень эмоционально реагировал. Он не понимал, отчего население будет спокойно сидеть. Он постоянно повторял: «С таким сознанием хаос не посеть!»

— Вы общаетесь с Брауном?

— Несколько раз. Случайно. Он — фанатик шахмат. Постоянно носит с собой планшетный компьютер и там разыгрывает шахматные партии. Там где нельзя проносить электронные устройства, достаёт карманные шахматы и разыгрывает сам с собой этюды. Вы играете в шахматы?

— А вы?

— Немного. Научился в армии. Браун сидел как-то рядом, я подсказал ему да хода. В армии научился. Но шахматы не люблю.

— Отчего же так?

— Знаю, что древние в Индии придумали, чтобы развивать стратегическое мышление у генералов. Но не для современных военных они. Сделал ход и жди ответный от противника. В современных войнах не надо ждать ответного хода, а действовать, наступать, отступать, маневрировать, использовать фланговые кинжальные удары, отрезая войска от тыла. И в шахматах каждая фигура может двигаться лишь по правилам. В современных войнах всё иначе. Кто действует по правилам — проиграл. Точно так же, как и с Крымом. Отчего весь мир прозевал момент присоединения? Потому что действовали нестандартно. Не по принятым правилам. Средства радиоконтроля НАТО не зафиксировали никаких приготовлений к захвату. Всё было сделано на высшем уровне организации. Потом несколько месяцев здесь, в Брюсселе, тщательно изучали опыт русских. Меня неоднократно привлекали, чтобы я прокомментировал. Но я сам был в шоке от организации этой операции. Это уже другая армия, не та, что была в Чечне. Точно так же и заметил, что в случае захвата Прибалтики русскими, в чём я глубоко сомневаюсь, не будет применена эта схема, всё будет иначе. Вот Браун и решил внести этот новый элемент — химическое оружие. Но это бред. После того как я подсказал ему пару ходов, которые он не видел, он проникся ко мне уважением, что ли. Доверием. В столовой пару раз обедали. Вернее, я обедал, а он всё рассказывал про теорию хаоса, точнее, управлением им. Вам интересно?

— Продолжайте.

— По его словам, вся система управления обществом давно уже прогнила. И сейчас должна прийти новая формация. Он — агрессивный прозападник. По его словам, Даже Бог — сторонник Хаоса. Была какая-то большая устойчивая система. Она как-то функционировала. Но пришёл Бог и сказал: «Да, будет свет!» И произошёл Большой Взрыв. Что есть взрыв? Это и есть хаос. Любая граната, снаряд — устойчивая система с элементами взаимодействия, находящаяся в состоянии покоя. Но именно взрыв — хаос, приводит в действие массу случайных и запланированных факторов, которые рождают новые устойчивые системы. Так, в результате Большого взрыва из одной большой устойчивой системы появились миллионы других стабильных систем — наша Вселенная, наша планета. Так и со странами, обществом, экономикой. И тот, кто управляет взрывом — управляет миром. Управляешь хаосом — управляешь миром. Сложившаяся система ценностей типа христианской морали не позволяет управлять миром. Поэтому нужно внести корректировки, которые

разрушат эту устойчивую систему. Поэтому Содом и Гоморра теперь уже города-герои, а не источник греха. Точно так же, как и существующая система государств неприемлема. Её надо менять «направленными взрывами», которые должны управляться высшей расой — англосаксами и народом Израиля. Хотя он сам немец, но почему-то причисляет себя к ним. Все остальные страны и народы должны помогать либо погибнуть или стать разменной монетой на пути господства. Он активно помогал в Тбилиси, Киеве во время всех их революций и волнений. Типа полигона, обкатки технологий. У него получилось. Он стал одним из авторитетнейших экспертов в Европе в этой области. И многие сквозь пальцы смотрят на его чудачества. Порой несколько эпатажный вид и поступки.

— Вы можете с ним завязать более тесные отношения, чтобы попасть в группу разработки управления хаосом?

Тамм внимательно посмотрел на меня в зеркало.

— Могу. А зачем?

— Вы же военный. Если что-то замышляется против вашей родины, нужно понимать, чтобы принять оборонительные шаги, предотвратить катастрофу. Например, как на Украине.

— Понятно, — кивнул головой.

— И ещё. Чтобы понимать ваш потенциал возможностей, не могли бы вы написать, к каким документам, сведениям имеете доступ. Только не пользуйтесь компьютером, а ручкой. И нижние листы потом надо будет уничтожить. Также какие у вас связи в штаб-квартире. С кем контактируете. Их данные, телефоны, всё, что посчитаете возможным.

Повисла неловкая пауза.

— Так всё-таки вы меня вербуете? В России меня военная контрразведка пыталась завербовать, чтобы я стучал на своих товарищей. Я отказался!

— Я не прошу вас стучать на своих товарищей. А предлагаю совместно обезопасить вашу родину — Эстонию. Может, заодно и другие прибалтийские государства. А может, и не втянуть мир в хаос третьей мировой войны. Я же говорю, что мы — за мир. Вы же сами понимаете, что начинается какая-то большая игра, которая закончится кровью ваших сограждан. Ради новой формации могут принести в жертву тысячи жизней эстонцев. А чтобы иметь представление о картине, надо понимать ваши возможности. Не требовать же от вас схему расположения «Минитмен-3» в США или места расположения американских подводных лодок типа «Огайо» в мировой океане.

Перехватил удивлённый взгляд.

— Мы же за мир во всём мире. Не исключено, что они же и будут наносить удары по русским войскам в Эстонии, если таковые найдутся. Вот тогда от Эстонии ничего не останется. А были там русские

или нет, поди, разбери после ядерного удара. Лишь пепел да стекло. Главное же — объявить, что там были русские.

Повисла пауза. Тамм тяжело вздохнул, продолжил:

— Мои родители-старика пошли собирать ягоды на бывший советский танковый полигон. Рядом с деревушкой Соодла. Там много озёр. Красивые места. Собирают ягоды. А тут р-р-раз! И из кустов выскочили негры их, США, в камуфляже. Арестовали моих родителей. Положили лицом в грязь, руки заломили, наручники. Мешки на головы. Доставили в штаб. Разделили. Обыскали. Стариков!!! Моих родителей! И три часа порознь допрашивали. Даже мне позвонили, уточнить что-то. Я поставил на уши всю штаб-квартиру здесь, в Брюсселе. Позвонил в Главный штаб сил самообороны Эстонии... Освободили стариков, — помолчал. — Не такой я участи хотел для Эстонии и своих родителей.

Я возвращался к месту посадки Тамма. Прошло двадцать минут нашей встречи. Пора расставаться. Протянул ему бумажку. Визитная карточка моего заведения, они стояли на каждом столе.

— Возьмите. На случай экстренной связи. Вверху телефон бармена, внизу — автоответчик. Звоните по второму телефону, заказывайте столик на двоих на имя Доминик с указанием времени и даты.

— А потом приходите к вам?

Протянул вторую бумажку.

— Прочитайте, запомните адрес. Я буду через два часа там от времени, указанного вами на автоответчике. Если всё нормально, то через неделю в 19.00 я жду вас здесь же. Конечно, будьте в партикулярном платье. Не в форме.

Он внимательно прочитал адрес.

— Место-то криминальное, — он усмехнулся.

— Зато меньше лишних глаз. Доезжаете до Северного вокзала, потом по переходу под путями. Мимо квартала Красных фонарей. Там мало освещения, мало камер видеонаблюдения.

— Вокзал и его окрестности славится большим количеством карманников.

— Ну вот видите, вы знаете его. А вот теперь возьмите вот это, — я протянул ему бутылку с распыскивателем.

— Что это? — он подозрительно смотрел.

— Солёная вода. Побрызгайте на лицо. И руки. Вы же бегали. Вспотели. Вода высохнет, соль останется. В вашем же доме есть видеокмеры. Да и другие жильцы могут встретить вас. Дышите глубже.

Роберт усмехнулся. Побрызгал на раскрытую ладонь, понюхал, лизнул, сплюнул.

— Точно. Солёная вода, — побрызгал на лицо, ладони с тыльной стороны. — Вы предусмотрительный.

— Не приходите ко мне больше в бар. Только в случае большой срочности. Закажите гуляш по-фламандски. После того как вы уйдёте, встреча

через два часа по этому адресу, который вы прочитали. Если закажете иное блюдо, значит, встречи не будет. Закажите себе чай, значит, вы полагаете, что за вами следят и вам угрожает опасность. Со мной напрямую не общайтесь.

— Почему? — удивился Тамм. — Мы же с вами мило посидели. Душевно. И это видели многие из посетителей. Постоянного и переменного состава.

Я усмехнулся от его чисто армейского выражения. Зато чётко сформулированного.

— Сами посудите, что может связывать вас и бармена? Вы же не числитесь в алкоголиках. Это может вызвать подозрение. А то, что вы устроили сиделки у барной стойки в компании хозяина заведения, так это фотографией навеяло воспоминания. Минута слабости. Ничего страшного. Вы увидели на фото погибшего товарища. Это добавляет человечности к вашему облику. Тоже хорошо. И постарайтесь понравиться Брауну. Очень постарайтесь. — уже с нажимом произнёс я. — Зачем? — Тамм искренне удивился.

— Так надо, Роберт. Так надо, — на второй фразе я был настойчив.

— Понятно, ясно, — он кивнул.

Тем временем добрался до места недалеко от дома Тамма, остановился в тени. Кивнул подполковнику. Он забрал телефон и ключи, выскользнул из машины и побежал в сторону дома.

Повёл машину к своему дому. Вытер отпечатки пальцев в салоне и на ручке машины снаружи, которую трогал Тамм. Его пальцы у меня имеются, снятые с бокалов. Лишние мне ни к чему и местной контрразведке тоже. Точно так же я протёр бутылку с солёной водой.

На работу. Первым делом кофе. Самый крепкий, какой мог сварить дома. Стопку коньяка в себя, стопку в кофе. Да прости меня французы и истинные ценители коньяка.

И начал кратко, только факты, излагать по поездке во Францию и встрече с источником. Точно так же о беседе с Таммом. Не забыл, конечно, описать Брауна.

Этот дядя нам был давно известен. Он со своим учителем Манном были одними из основных разработчиков серии цветных революций на Ближнем Востоке и на Украине. Неоднократно ЦРУ и Моссад привлекали этих двух «научных мужей» для консультаций и разработок операций.

И если Брауна привлекли в НАТО для разработок операции, то задумывается большая гадость. Очень большая гадость.

Тамм, по моему прогнозу, сам это понимает и будет стараться на первоначальном этапе. Поэтому после получения информации от него, будем считать, что он стал моим агентом.

Я прихлёбывал горячий кофе. Коньяк ударял в нос. Спирт ещё не весь вышел. Но сон уходил. Кровь разгонялась, мозг начинал думать быстро.

Умеренная доза крепкого алкоголя и неумеренная кофе заряжает энергией мою нервную систему.

Надо подготовить донесение в Центр.

Одним из самых острых, опасных мероприятий является передача информации разведчиком в Центр. Раньше использовали радиопередатчики. А тайниковые операции использовали всегда. В момент закладки или выемки тайника могут схватить. И вот тогда трудно оправдаться. Но как меня учили, помимо Школы, отец с дедом: «Никогда ни в чём не сознавайся! Даже если жена застала тебя в постели с любовницей, отпирайся. Мол, я только перелазил, когда эта незнакомя тётка легла ко мне в постель!» Утрированно, конечно, но смысл верен. При подходе к тайнику, его закладке, думай, анализируй, сопоставляй. Всё, абсолютно всё и всегда у тебя должно вызывать недоверие. И продумывай все мелочи. Это говорят, что дьявол в мелочах. У разведчиков внимание на мелочи.

Подготовили отчёт, донесение в Центр. Едете на машине к месту закладки. А тут, бац, и авария или сердце прихватило. Ваше бессознательное тело и машину осматривают. Находят смятую пачку из-под сигарет или подозрительно лёгкий камень, а там колонки цифр. Или работой тётушке в Базель. А у вас рядом с домом, работой почтовые ящики гроздьями висят. Исследовали бумагу, выявили, что она обработана специальными составами. И снова вопросы. В английской разведке были провалы, когда разведчики писали между строк, пардон, продуктами мужского естества. Запах выдавал. Немецкая контрразведка немало так выявила разведчиков и агентов Британии.

Не секрет, что почти каждый дипломат российского посольства находится под системой контроля. Технического, визуального. И вот он получает задание изъять контейнер с закладкой. Крутится по городу, отрывается от слежки, или дают ему понять, что оторвался. Создают режим мнимого благопритствования. И вот он на берегу пруда в Леопольд-парке кормит уточек, потом швыряет камушки, что-то кладёт в карман и уезжает. Или, наоборот, оставляет камень на берегу, в траве, рядом со скамейкой.

Даже несведущему станет понятно, что не камушек на память он подобрал перед отъездом на родину. Могут задержать, могут проводить до ворот посольства или консульства русского дипломата, кто закладывал тайник или забирал его. Расшифровать вряд ли удастся. Но скандал на весь мир. Придумают даже то, чего и не было.

Возникает вопрос, что кто-то положил туда этот «камушек». Начинают изучать камеры видеонаблюдения. И если у вас нет привычки, хотя бы раз в неделю приезжать и мотивированно кормить уточек, то вы попадаете под подозрение. И вас начинают изучать под микроскопом. А в жизни любого человека, пусть даже кристально чистого,

есть пара-тройка «скелетов шкафу». И их найдут. А если разведчика рассматривать под углом зрения контрразведки, то они поймут, что за фрукт перед ними. А они это умеют. В контрразведке дураков не держат.

Вот и приезжай в этот парк, где носятся бегуны, катаются на велосипедах, скейтах, туристы, мамочки с ребятишками, пенсионеры неспешно прогуливаются, смешивайся с толпой и корми этих уток! Будь они неладны! Я уже вагон хлебо-булочных изделий скормил им!

И корми так, чтобы со стороны было видно, что ты делаешь это с любовью к окружающему миру, а не пытаешься проломить сухарём голову невинной водоплавающей птице.

И если ребёнок подойдёт, должен посусюкать с ним и дать хлебушка, чтобы тот покормил птичек. И умудряйся подбирать или закладывать тайник.

Приеду домой в отпуск, закажу маме, чтобы сделала утку под клюквенным соусом. Теперь понимаю, отчего отец так не любит уток и прочую птицу. Наверное, тоже устал кормить голубей да уток. Всегда с видимым удовольствием шугает их по поводу и без.

Так что хоть и дьявол в мелочах, но приходится всё держать в голове и продумывать каждую мелочь. Репетировать дома, как кидаешь кусочки хлеба уточкам, потом роняешь хлебушек, наклоняешься, поднимаешь контейнер или, наоборот, закладываешь. И он должен лежать в строго определённом месте. Смещение положения контейнера является признаком его компрометации. А это значит, что разведчик попадает под подозрение или тот, кто закладывал.

Иногда используют пенсионеров, курьеров для закладки или выемки. Вот и папа у меня порой исчезает из дома. Маме ничего не говорит. Только привозит её любимое вино или шампанское, которое в Петербурге не найдёшь.

Это в СВР и грузакордонных резидентур много, как под посольской «крышей», так и нелегальных. А у ФСБ крайне мало. Вот и приходится крутиться, как можешь. Сам неоднократно вынимал и закладывал чьи-то контейнеры. Это могли быть и проверочные мероприятия в отношении меня. Не перешёл ли я на сторону противника или двурушничая. Специалисты этот контейнер потом на просвет изучают. До миллиметра обнюхают. Все ли контрольные метки на месте. Меточки не доморощенные, а казённые. Ногтем задел, и всё—она скомпрометирована.

Но это всё вторично, как само собой разумеющееся. Главное—работа. Служба!

И вся моя работа должна быть нацелена на вскрытие разведывательных устремлений со стороны иностранных разведок к России и её союзникам.

Вот и Тамм как раз подходит для этих целей и задач, по крайней мере, я так полагаю. И надеюсь.

С годами зрение не становится лучше. Только коньяк становится лучше. Всё остальное портится. И у меня с годами развилась дальновзоркость. Мелкие предметы с близкого расстояния плохо вижу. И даже в очках. Пришлось обзавестись очками с увеличительными стёклами. Часовых дел мастера и ювелиры зачастую такие используют.

В Бельгии, да и вообще в Западной Европе, городские жители крайне редко сами проводят ремонтные работы по дому. Квартиры арендованные. Значит, должны выполнять сертифицированные специалисты.

Если ты ничего такого дома не делаешь, значит, что-то надо придумать, дабы выглядело естественно, а не как чужеродное тело в квартире. Вот поэтому я и придумал себе «хобби», будь оно неладно! Так как из французской деревни, то испытываю ностальгию по детству. Собираю модельки сельскохозяйственной техники. У меня уже семь моделей. Предлагал Центру, чтобы они собрали и выслали мне. Хрен! Чтобы мои отпечатки пальцев были на внутренних поверхностях деталей тракторов, грузовиков. Хотя могли бы сами мои пальцы оставить. Умельцы из Управления специальных технических операций не такие чудеса творили. А моих образцов отпечатков пальцев у них — вагон и маленькая тележка! Это на тот случай, что понадобится меня или компрометировать, в случае предательства, или, наоборот, вытащить. Например, мои пальцы находят на украденном кошельке. А меня обвиняют в шпионаже. В то же время получается, что я находился в другом месте. И получается, что я не русский шпион, а мелкий воришка. На тебе три года общеуголовной тюрьмы.

Вот и тратил время, здоровье, сон на сборку этих никчёмных игрушек.

По бельгийской привычке, в гости я никого не зову. Только уборщица приходит, под моим наблюдением она проводит уборку. Вот ей и хвастался своими достижениями в области сельскохозяйственного моделирования. Заодно и подпускал к своему рабочему столу. Там лежала ещё одна модель. Там же и очки для работы с мелкими предметами. Если кому-то проболтается, а это как пить дать, или опрашивать будет полиция, контрразведка напрямую или опосредованно, то всё мотивированно. Мсье на старости лет головой тронулся, в игрушки стал играть. Но в целом мсье безобиден.

Для декорации игрушечных моделей у меня хранятся камушки. Большие и маленькие. Вот и получаются композиции. Только некоторые эти камни и есть контейнеры для тайниковых закладок. И на виду, и не видно. И опять же, оправдание, если «прихватят» с контейнером. Мол, камушек понравился. Конечно, все эти отговорки «в пользу бедных». Но тем не менее. Лучше так, чем просто уронят лицом в грязь, как грязного шпиона,

и будут по рёбрам охаживать крепкими ботинками с высоким берцем.

Вот один из таких камней я холил и лелеял. Сегодня даже в карман положил. В кармане небольшая дырочка присутствует. Чуть надавил на камень, ткань разошлась, камушек на землю и упал. А там, господа полицейские, доказывайте, что он мой. Обработан он специальным составом, нет на нём никаких следов. Ни пальцев, ни запахов, ни остатков/останков днк. Ничего. Вот в этот контейнер заложил послание в Центр. Ликвидатор, в случае несанкционированного проникновения, поставил в боевое положение, контрольные метки. Нет, не взорвётся он в руках, отрывая кисти и поражая осколками тело любопытного. Хотя и такие тоже имеются.

Здесь просто агрессивная жидкость за секунду растворит зашифрованное послание. При вскрытии жидкость после соприкосновения с воздухом превратится сначала в гель, а через полминуты — в твёрдый материал. То же самое произойдёт, если подвергнуть контейнер рентгеновскому облучению, компьютерной томографии.

Сколько же я мучился в Школе, обучаясь закладке и извлечению таких вот закладок! Даже экзамен сдавал.

Обязательно поставить контрольную сигнальную метку, чтобы знали в Центре, вскрывалась посылка или нет. Вот вроде и всё. Готово.

Критически осмотрел «камень». Он может и в воде пролежать около месяца. Его можно кидать. Но не так, чтобы он ударился о скалу или что-то сильно твёрдое. Камень да камень. Неприметный. Из местных. Камни с берега Волги или Енисея отличаются от тех, что лежат мирно в Леопольд-парке. Ну не подошёл он для моей инсталляции с крестьянской миниатюрой, не вытанцовывается французская пастораль. Вот поэтому и возвращаю его на место.

А вот теперь самое «острое» мероприятие на сегодня. Доставить послание до «почтового ящика». По дороге меня могут задержать, при закладке тоже могут. Вот и крутись, как можешь.

Помимо моего рукописного зашифрованного послания о встрече с Таммом, в контейнере располагалась микроскопичная карта памяти. Это сообщение от одного из источников во Франции.

В провинции Бретань, что во Франции, присутствует большой мясокомбинат. Забивают скот, разделяют его, готовят вкусные деликатесы, поставляют мясо по всей Европе.

Руководитель цеха по забою скотины мой источник.

Спрашивается, а зачем русской разведке в интересах контрразведки, такой источник? Узнать сколько мясной продукции выпускает французский мясокомбинат? Не голодают ли французы? Нет. Не интересно это ФСБ России.

Недалеко от этого комбината есть база морских командос ВМС Франции. Одна из самых жёстких система подготовки спецназа в мире. Они были сформированы во время Второй мировой войны в Англии. Принимали непосредственное участие в Нормандской операции и освобождении Франции. Также постоянно поддерживают связь с английскими САС.

Даже великий исследователь морских глубин Жак Ив Кусто был морским офицером и внёс немалый вклад в дело обучения и подготовки французского морского спецназа.

У них 6 подразделений, каждое из которых носит имя офицера, командовавшего им в своё время или погибшего в бою:

— Хуберт (борьба с водолазами противника, контр-терроризм);

— Жауберт (нападение на море, вытеснение, ближний бой в море);

— Трпель (нападение на море, вытеснение);

— Пенфень (разведка, разведывательные операции);

— де Монфор (глубинная разведка и огневая поддержка);

— Кифье (кинологическое подразделение).

Раз в два-три месяца один из цехов отдела / цеха по забою закрывается. Все рабочие перекидываются на один день на другой участок работы. Остаётся только мой источник. Спецназовцы отработывают, оттачивают навыки убийства. Тренируются на скотине, подготовленной на убой. Огнестрельное оружие, холодное оружие, подсобные средства, голыми руками. Попробуйте голыми руками убить свинью, которая ошалела от стресса, страха, запаха крови, готова убежать или постоять за себя. Нельзя мышь загонять в угол, она дорого будет продавать свою жизнь, что уж говорить за старого племенного быка или кабана! Всё это снимает оператор, чтобы потом, на базе, разобрать действия каждого бойца, указать на ошибки, чтобы в последующем их исправить.

Также отработывается разделка туш, поедание тёплых органов животных, только что вырванных или вырезанных из неостывшей туши.

Работа такая у людей. Убивать. Бывает.

В Европейском союзе очень жёсткие требования по гигиене. Все, кто посещает мясокомбинат, обязаны пройти санитарную обработку. В том числе и рук. Не просто сполоснуть их в дезинфицирующем растворе, а положить руки в ванночку, и скребок, по типу как моют стёкла, автоматический проводит по пальцам, ладоням, соскребая грязь, бактерии. Нам удалось усовершенствовать это устройство, и оно стало сканером для считывания отпечатков пальцев.

Естественно, что на время визита военных, все заводские камеры отключены. Мы установили свои.

Спецназовцы из Англии, других стран НАТО тут тоже частые гости. Последние четыре года стали посетителями и вообще экзотические личности. С Ближнего Востока и Африки. Их готовят для борьбы в составе партизанских отрядов с проправительственными силами. Поступающая информация свидетельствовала, что контрразведка активно выявляла бывших боевиков из ИГИЛ, которым под видом беженцев удалось просочиться во Францию и другие страны ЕС. Их выдёргивали, делали предложение, от которого они не могли отказаться. И начинали обучать по программе морского спецназа Франции. А потом забрасывали снова на Ближний Восток, снова в ИГИЛ. Но уже обученных, подготовленных, полностью контролируемых и подпитываемых со стороны НАТО.

Сейчас возрос поток выходцев из бывших стран Советского Союза, особенно с Кавказа и Средней Азии. По словам источника, много русскоговорящих. Их готовили и забрасывали как в Россию, так и в сопредельные государства.

Мы имели видео лиц, рост, вес, форму ушей, носа, отличительные признаки в походке, в поведении, отпечатки пальцев. Иногда образцы голоса. Также имелась съёмка, как они убивали скотину. Это тоже свидетельствовало о многом: опыт, психологическая подготовка, любимые приёмы.

В Центре во время отпуска мне сообщили, что часть заброшенных боевиков они установили по отпечаткам пальцев. Часть была взята под контроль. В Средней Азии такую диверсионно-разведывательную группу разведка 201 мотострелковой дивизии ВС РФ, в Душанбе, уничтожила. Те не хотели сдаваться. Прессе всё выдали за стычку противоборствующих наркокланов.

Вот так начальник цеха на французском мясокомбинате помогает выявлять русской контрразведке террористов, подготовленных в НАТО.

Нельзя сказать, что агент «Бенедикт» трудился на нас во славу русского оружия и из идейных соображений. За каждую такую «посылку» с «пальчиками и видеосъёмкой» он получал щедрое вознаграждение. Чуть больше его полугодового оклада. Хорошая прибавка.

Очень сложно контролировать агента, особенно когда ты находишься от него далеко. Поначалу он ошалел от такой суммы. И приходилось его утешать. Неразумные траты привлекают внимание не только окружающих, но и налогового органа, полиции, контрразведки. В Европе, с её высокими налогами, всегда подозрительны приобретения новых автомобилей, недвижимости, предметов роскоши. Что-то, а доносительство они впитывают с молоком матери.

Вот и первый «гонорар» я ему отдавал частями. Он хотел купить новую машину. Грезил ей.

Объяснил ему, что нужно купить в кредит. Тогда никто не будет завидовать и подозревать. И вот он

частями на деньги, полученные от меня, погашал автоскредит. Так постепенно приучал его не жить расточительно, не привлекать к себе внимание. Не бахвалиться в компании, за бутылочкой «Божоле-нуво», молодое вино сильно ударяет в голову и тянет на «подвиги», что можешь скупить всё это кафе. Да и язык становится длиннее твоего роста.

Вербовочный процесс— дело тонкое и деликатное. И не заканчивается при выражении иностранного гражданина оказывать содействие российской разведке в интересах контрразведки.

Частую бывают и казусные ситуации, например, когда перспективного источника разрабатывают две разведки одновременно. Так было с помощником военного атташе Великобритании во Франции. У меня появился к нему подход через его любовницу, но на мой запрос в Москву об изучении его как кандидата на вербовку пришёл категоричный отказ с жёстким приказом свернуть всю деятельность вокруг данного тела. Потом, в отпуске, уже шепнули на ухо, что наши военные вокруг него крути год как нарезают.

Одно время я подвизался на общении с бывшими сотрудниками министерства обороны и военной разведки Франции. Добыл списки, у кого из них были неизлечимые болезни, и под видом писателя, за щедрое вознаграждение опрашивал дедушек.

Многие старые тайные операции мне были поведаны. Заодно по косвенным признакам в Москве и Санкт-Петербурге были задержаны агенты военных разведок стран НАТО. Некоторых удалось перевербовать. Во время перестройки и девяностых они активно сотрудничали со многими разведками.

Ну и больные старики рассказали немало компрометирующих материалов на современных руководителей разведывательных органов. Тогда они были ещё юными, начинающими сотрудниками, делающими первые шаги, совершающими ошибки, о которых они были готовы позабыть сейчас. А старикам на краю могилы хотелось поговорить. Вспомнить молодость. Свои достижения, промахи, что хотели бы изменить, показать себя с наилучшей стороны, покритиковать нынешнее руководство за мягкотелость. Очень много интересного можно узнать, имея терпение и энную сумму денег.

Не поверите, но деньги нужны даже тем, кто одной ногой стоит в чистилище. Дедушки вскорости умирали из-за болезни, а их воспоминания анализировались, сопоставлялись с имеющейся информацией. Часть информации использовалась как выводная, чтобы не совершать ошибки, выявлялись новые признаки ведения подрывной деятельности разведслужб на территории России и сопредельных государств с целью дестабилизации политической и экономической обстановки. И резидентуры иностранные в России не сворачивали

свою деятельность, а в последнее время, наоборот, активизировались. Даже стали «расконсервировать» агентуру, замороженную десятком лет назад. Один из признаков или переворота, или «особого периода» — предвоенного периода.

Запомнился мне разговор с одним из полковников. Это был старик, родившийся в годы Второй мировой войны в шале на юге Франции. Здесь же он коротал свой оставшийся век.

Мы сидели во дворе под цветущей яблоней. На столе стоял большой глиняный кувшин с домашним вином, сыр, отварное мясо.

Полковник разлил вино по стаканам, не по изящным бокалам, а грубым крестьянским стаканам. Посмотрел на свет цвет вина, покрутил немного, понюхал:

— Вот что я скажу тебе, молодой человек! На излёте жизни я считаю, что жизнь человека подобна бочке с вином. Господь Бог наполняет её, кому доверху, кому-то наполовину. В детстве мы пьём виноградный сок. Наши матери нам щедро наливают его, мы хватаем его стаканами. Один, другой, третий, и бежим во двор, чтобы поиграть с ровесниками или помочь отцу. Потом вино становится молодым. И мы, как молодое вино, которое ударяет в голову, пускаемся во всяческие приключения, авантюры, полагаем, что мир создан для нас и только для нас. Нет авторитетов, и Эверест—это не вершина мира, а всего лишь макушка горы, которую мы покорим запросто. Потом приходит время шампанского. Женщины, романтика, снова авантюристические приключения. Драки, служба, войны. Но всё равно считаем, что мы всего добьёмся, всё одолеем, всех победим. Ну и, конечно же, женщины. Много женщин. Вино и женщины. Ни того ни другого много не бывает. Затем приходит время выдержанного вина. Мы уже осознаём, что вина в бочке жизни остаётся всё меньше. И уже не так шалим, более сдержаны, рассудительны, более взвешенные. Оглядываемся назад, понимаем, что слишком много сил потратили впустую, в погоне за миражами, которые сами себе придумали или чтобы кому-то понравиться, зависели от чьего-то бесполезного мнения. Но всё равно продолжаем упорно идти вперёд в надежде достигнуть чего-то. Пусть уже менее призрачных, но реальных целей, взвешенных целей и достижений. И вот приходит время коньяка. Уже реально понимаешь, что особых подвигов у тебя не получится сделать, да и нет особого желания. Но хорохоришься, мнишь себя мудрецом, к которому идут за советом, хотя им не совет нужен, а требуется лишь, чтобы ты договорился о решении чей-то проблемы со своим боевым товарищем, который стал политиком или банкиром после выхода в отставку. Вы знаете, что коньяк хранится и выдерживается в дубовых бочках семьдесят пять лет. Потом уже нет смысла это делать. Он не набирает силу, не обогащается

ароматом. Нет столетнего коньяка. Точно так же, как и наша жизнь, после семидесяти пяти не набирает силу, крепость. Приходит лишь осознание простой мудрости, что счастье оно всегда было рядом. Вот так сидеть вечером в кругу большой семьи, возвратившись с виноградника с заходом солнца. Вино на столе, как вот это — он кивнул на кувшин на столе — без оксида серы. Сыр, отварное мясо, хлеб. И говорить. Просто говорить, Вечером, прихлёбывая из стакана десятилетнее вино из собственного погреба, неспешно пыхтеть трубкой с домашним табаком с добавлением вишни и чернослива, читать книгу, бросая иногда взгляд на большую семью. Чтобы все были рядом, перед глазами. Это и есть счастье. Качаешься в кресле-качалке, которое сделал ещё мой прадед, оно неказистое, грубое внешне, но очень удобное. Вы пейте вино, юноша, пейте. Ему больше сорока лет. Оно живое. Если оставить в тепле — заплесневет. Плесень, она же живая, и живёт и размножается только там, где живая культура, например, как сыр, как домашнее вино. То вино, что в бутылках, — мёртвое. Чтобы не было плесени, добавляют окисленную серу. А сера, как известно, она от дьявола. Вот и получается, что люди — глупые создания, от дара Божьего отказываются — от вина, созданного трудом и любовью, политого потом крестьянским, и убивают его дьявольским порошком, пьют мёртвое вино. Сами себя отдаём на откуп аду. Поэтому пока молодой, не совершайте самую большую глупость — не транжирьте время, отпущенное Всевышним. Либо займитесь крестьянским трудом, либо трудитесь на благо окружающих вас людей, родственников или просто тех, кто

попросит у вас помощи. Нам неизвестно, какая у нас бочка вина. Мне повезло. Я почувствовал весь процесс, от виноградного сока, до самого старого коньяка. Вот и пью свою жизнь — выдержанный коньяк маленькими глотками — с оглядкой на прожитое. С каждым днём его всё меньше и каждый глоток всё слаще и желаннее, изысканнее, утончённее. Мало коньяка осталось на дне бочки. А сколько моих ровесников не попробовали даже выдержанного вина. Окончили свой жизненный путь на шампанском. Многие на войнах. Сейчас я оглядываюсь назад, на колониальные войны, в которых принимал участие, и не понимаю, а зачем и кому это надо было, и не понимаю, для чего. Это не принесло ни славы, ни богатства никому. Ни солдатам, что погибали, ни Франции. Те, кто жил в колониях, тоже не в восторге от того, что было. Они хоть свою землю защищали, свой уклад жизни. А мы? Ладно, мсье, я сам стал по-стариковски болтлив и суетлив, и время уходит в моём пустословии. Поэтому давайте нальём ещё по стаканчику из этого глиняного кувшина, который сделал мой отец своими руками, я очень люблю те вещи, которые сделали сами мои предки. Для окружающих они не представляют никакой ценности, а для меня — история. История моего рода, моей семьи, тот самый мостик, который двигает меня что-то оставить после себя. Точно так же и кусочек моих мемуаров, который вы вставите в свою книгу.

И этот старик честно, откровенно, порой с излишними подробностями поведал мне нелёгкий путь службы от лейтенанта в Алжире до полковника военной разведки.

Окончание следует